

ЮРИСТ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

№ 6—2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

В.В. Гриб, член Президиума Ассоциации юристов России, председатель Исполкома Российской академии юридических наук, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, член-корреспондент РАО, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Е.И. Машаров, кандидат юридических наук

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

М.И. Савина, пресс-секретарь СРО «Ассоциация форекс-дилеров» (АФД)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

П.В. Крашенинников, председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, сопредседатель Ассоциации юристов России, доктор юридических наук, профессор;

Я.А. Арт, главный редактор ООО «Финверсия», эксперт Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, член-корреспондент Международной академии менеджмента, член-корреспондент Международной академии экономики, финансов и права, кандидат экономических наук;

Е.Л. Забарчук, заместитель министра юстиции Российской Федерации;

П.П. Серков, первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук;

Т.К. Андреева, заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук;

В.В. Блажеев, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, сопредседатель Ассоциации юристов России, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор;

А.В. Пилипчук, работник органов внутренних дел, экс-глава управления МВД по связям со средствами массовой информации, генерал-майор МВД;

П.Б. Шелищ, председатель ОСОО «Союз потребителей Российской Федерации», кандидат философских наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ИГ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Платонова О.Ф., Ренов Э.Н., Трунцевский Ю.В.

ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

Индекс по каталогам:

«Объединенный каталог. Пресса России» — 38835

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

АДРЕС РЕДАКЦИИ/ИЗДАТЕЛЯ:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7. Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ПИ № ФС 77-65759 от 20 мая 2016 г.

ISSN 1818-0728

Подписано в печать 24.11.2020 г. Выход в свет 03.12.2020 г.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа», 248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.

Усл. печ. л. 6,0. Общий тираж 2 000 экз. Цена свободная

Источник фото на обложке: <https://ru.arctic.ru/analytic/20181123/809021.html>

Содержание

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Владимир Соловьев: «Сейчас самое важное — уметь фильтровать информацию, поскольку на нас сваливается такой поток всего каждый день, что можно просто растеряться».

Интервью с Председателем Союза журналистов России

В.Г. Соловьевым.....2

Игорь Суздальцев: «Форекс — это формационный признак капитализма». Интервью с создателем интерстрима инвесторов

YouTrade.TV И.Н. Суздальцевым.....6

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Емелина Л.А. Права и обязанности в правоотношениях

по суррогатному материнству.....9

Демидов Д.Г. К вопросу о необходимости реформирования стандартов высшего юридического образования

в Российской Федерации (часть I «Бакалавриат»).....12

ДИСКУССИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Махиборода М.Н., Климанова Д.Р. К вопросу о коллизии

разграничения понятий «земельный участок» и «земля» 17

Гуруев Д.К., Ильясова У.Н. Способы обеспечения информационной

безопасности несовершеннолетних 19

СЛОВО МОЛОДЫМ ЮРИСТАМ

Борисов Б.А. Баланс интересов как основополагающая идея

российского гражданского законодательства 22

Постнова Д.И. Права человека в пользовании землей: соотношение

и преимущества права аренды и права собственности 27

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей

(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 октября 2020 г.) 30

Постановление Конституционного Суда РФ от 15 октября 2020 г. № 41-П

по делу о проверке конституционности части 4 статьи 3.7,

статей 25.1–25.5.1 и части 1 статьи 30.12 Кодекса Российской Федерации

об административных правонарушениях в связи с жалобой

иностранной компании ‘Majena Shipping Company Limited’ 44

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

*Использование материалов в других изданиях допускается
только с письменного согласия редакции.*

Ссылка на журнал обязательна.

Владимир Соловьев: «Сейчас самое важное — уметь фильтровать информацию, поскольку на нас сваливается такой поток всего каждый день, что можно просто растеряться»

В интервью нашему журналу председатель Союза журналистов России Владимир Геннадиевич Соловьев рассказал о собственном опыте работы в зонах вооруженных конфликтов, основных принципах работы журналистов и защите их прав.

тором Анатолием Кляном мы их заменили. Каждый раз смена позиции журналиста происходит оттого, что он умеет делать, что он знает, в какой области он более подготовлен. Еще в университете я учил сербохорватский язык и интересовался событиями на Балканах, собственно, я журналист-международник по диплому, а по сути — балканист. Поэтому, когда пропала съемочная группа, а я лично был знаком с Ногиним и Куренным, так получилось, что я был отправлен туда, и эта работа продолжалась непрерывно больше шести лет. Но вместе с несколькими месяцами учебы в Белградском университете

— Вы журналист с огромным стажем. В самом начале своего пути Вам довелось работать в самых горячих точках конца 1990-х — начала 2000-х годов. Это военные конфликты в Югославии, Чечне, Иерусалиме, а также теракты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и 3 сентября 2004 года в Беслане. В то же время за Вашими плечами большой опыт работы в составе «Кремлевского пула». Что сподвигло Вас сначала освещать события в опасных регионах, а потом — деятельность Президента?

— Обычно журналист не всегда сам решает, в какой последовательности и что освещать. Во многом все зависит от места работы. Мне повезло, я практически сразу после университета попал в главную редакцию Телевизионной службы новостей (ТСН) Центрального телевидения СССР, потом уже начал работать на программу «Время», а позднее и на «Вести». Впоследствии я вернулся в программу «Время», поскольку в тот момент в Югославии погибли и пропали без вести корреспонденты Первого канала — Виктор Ногин и Геннадий Куренной. Вместе с моим коллегой опера-

на факультете политических наук и несколькими месяцами работы я прожил и проработал на Балканах 10 лет. В то время когда я вернулся в Москву, шли по очереди две чеченские войны, и, так как у меня уже был подобный опыт, руководство редакции решило отправить меня туда поработать. Хотя, в принципе, из программы «Время» все парни-корреспонденты по две недели дежурили в Чечне, девушки уже при желании, но также по две недели.

По большому счету жизнь сама ведет и подсказывает. Наша работа прекрасна тем, что все время что-то новое происходит, все время новые люди, новые события, хотя иногда опасно и страшно, тем не менее всегда что-то новое. И таким образом это у меня продолжалось больше 30 лет.

— Что из себя представляет работа журналиста в горячих точках? Что значит быть журналистом кремлевского пула?

— И та и другая работа опасная. Понятно, что на войну, во-первых, надо решиться поехать, поскольку

не так просто поехать туда, где твои предшественники погибли. Мой дедушка, который прошел две войны, тогда сказал, что снаряд обычно два раза в одну и ту же воронку не попадает. Конечно, на войне всем страшно, конечно, надо понимать, как там действовать. При этом ты понимаешь, что пули летают и снаряды рвутся, можно быть раненым, можно и погибнуть, конечно, это ощущение не из приятных, но это наша работа. Работа в кремлевском пуле тоже по-своему опасная, во многом даже неблагодарная. Это такая полувоенная история, когда без предупреждения, в любое время дня и ночи машина ждет тебя внизу, куда едешь, ты не знаешь, поскольку все полеты засекречены. Ни редакция, ни ты не знаешь. Только звонят, говорят, что машина внизу. Садись, едешь в аэропорт и только на месте понимаешь, где находишься и что нужно делать. Тут, конечно, нужно очень быстро ориентироваться в любых ситуациях. Мы начинали работать, когда еще не было мобильных телефонов, когда еще не работала так, как сейчас, компьютерная связь. Несмотря на то что это мог быть любой регион страны или даже другая страна мира, язык которой тебе неизвестен, ты должен был найти точки, где будет президент, собрать на месте информацию, потом срочно искать, например, местную телекомпанию, где нужно договориться с людьми, которые, опять же, возможно, не говорят ни на одном языке, о том, что нужно смонтировать материал. К слову, я сам иногда садился монтировать материал, для того чтобы не объяснять незнакомым людям, что надо сделать. При этом, если это другой часовой пояс, а ты не спишь, надо хорошо выглядеть, нормально формулировать слова, надо объяснять зрителям, что происходит. Вместе с тем весь этот материал надо вовремя отправить в Москву, чтобы он успел в программу. Вот за все эти 30 лет у меня ни разу не было случая, чтобы я опоздал на эфир программы «Время». Представляете, какое количество нервов было потеряно в этих процессах.

Бывали также случаи, когда за 20 минут до эфира программы вдруг приходит 40 минут речи президента, и руководители редакции тебе говорят: «Вот ты — пуловский корреспондент, вот тебе кассета, ты должен успеть». То есть смотришь речь президента, сходу отбираешь те куски, которые, по твоему мнению, должны попасть в главную программу страны, монтируешь и отдаешь в эфир, а ведущий их подводит. После этого иногда бывает, что, когда выходишь из аппарата, не можешь вспомнить, как тебя зовут, то есть включаешься в жизнь заново. То же самое происходит и после прямых эфиров.

— Какая работа принесла Вам больше удовольствия?

— Нельзя, наверное, сказать, что какая-то из этих работ принесла удовольствие... Скорее, тут можно говорить о творческом удовлетворении.

— Существуют ли правила поведения журналиста в зоне вооруженного конфликта? С какими сложностями он может столкнуться и попадали ли Вы в критическую ситуацию?

— Ну, критических ситуаций было достаточно много. Мы все учились на собственном опыте, потому что нас, конечно, не учили в университете быть, например, военными журналистами. Я закончил международное отделение факультета журналистики МГУ, и даже там нам не объясняли, что такое военная часть работы. Поэтому только постепенно начинаешь понимать, как себя вести. Иногда надо вовремя оттащить оператора, который увлекается съемкой и не понимает, что он уже под прицелом находится, надо следить, спиной его прикрывать и при этом еще думать, что сказать. Югославия вообще особое место, поскольку там пересечение множества народов, трех основных религий, но даже знание языка могло привести к печальным последствиям либо спасти жизни. Там часто не было линии фронта, кто, где, какие войска, непонятно... спускаются к дороге люди, вооруженные, без опознавательных знаков, останавливают машину, направляют автомат и говорят: «Перекрестись». И только по языку понимаешь, это сербы или хорваты. Православные сербы крестятся как у нас, а хорваты, как католики, заканчивают крест на другом плече. А при встрече могли оказаться и боснийские мусульмане. Поэтому от знания языка иногда зависела жизнь. Мы неоднократно с Анатолием Кляном попадали в ситуацию, когда в нас целились снайперы. Не раз были случаи, когда с большей вероятностью мы должны были погибнуть, нежели чем остаться в живых. Но вот везение, судьба и какой-то наработанный опыт давали возможность нам остаться в живых. Нас даже ни разу не ранило и не контузило. В общем постепенно начинаешь понимать, как общаться с пресс-службами, как быстро получать аккредитацию, как куда-то проехать. Все это постепенно нарабатывается, а потом этот опыт помогает довольно часто. То есть универсальных правил каких-то нет, надо все-таки понимать, что жизнь не стоит информации, надо соображать, куда лезешь, и понимать, где можно нарваться на что-то совсем уже опасное. Да, нужны тормоза, знание территории, надо всегда заранее готовиться, читать весь бэкграунд и понимать, как кого зовут, кто и где находится, чтобы успешно общаться и с местными людьми. Но лучше всегда иметь какую-то аккредитацию, и лучше от разных воюющих сторон, конечно, если есть такая возможность. Или, например, от какой-то международной организации. Я уже не раз слышал от коллег, что очень хорошо работает карточка Международной федерации журналистов, которая работает даже на бандитов. Это такая вот легитимация, которая во всем мире помогает.

— **Какие нормативные правовые акты направлены на защиту военных корреспондентов?**

— В позапрошлом году в Калининграде прошел форум ОНФ и Союза журналистов, на котором мне предложили модерировать общение с президентом вместе с Ольгой Тимофеевой. Я на это согласился еще и потому, что у меня была возможность поговорить с президентом о журналистских делах, в том числе о том, как работают журналисты на войне. Я предложил тогда дать журналистам, которые часто работают на войне и уже вернулись домой, статус участника боевых действий, который позволяет получить льготы. Президент как-то это иначе сформулировал и сказал, что журналист не имеет права держать в руках оружие. Я с ним абсолютно согласен. И сказал: «Давайте мы придумаем что-то абсолютно другое». В итоге поступила бумага за подписью президента, в которой говорилось о том, чтобы мы разработали дополнительные меры по поддержке постоянно работающих в горячих точках журналистов. В итоге родился закон о защите журналистов в горячих точках, который предусматривает компенсации в случае гибели журналиста или причинения вреда его здоровью. В конце позапрошлого года он был подписан президентом, в сентябре прошлого года вступил в силу.

— **В последние годы российские журналисты все чаще подвергаются дискриминационному отношению со стороны властей западных стран. Как обеспечивается защита интересов российских журналистов за рубежом?**

— Совсем недавно Латвия и Литва запретили вещание целого ряда российских каналов. Сейчас это собирается сделать Эстония. Во времена событий вокруг отравления Скрипалей были угрозы в адрес российских журналистов, которые работают в Великобритании. Такие случаи происходят, мы на них, конечно, реагируем. У нас на ежедневной основе осуществляется мониторинг и сбор информации, касающейся нарушений прав российских журналистов как у нас, так и за рубежом. Есть сайт Protect Media, на нем собирается вся эта информация, и по любому случаю мы реагируем. Если это происходит за рубежом, мы направляем письмо руководству страны, журналистских организаций. Мы также сразу реагируем на уровне Международной федерации журналистов, поскольку мы входим в ее состав.

— **Согласны ли Вы с утверждением, что средства массовой информации в значительной степени остаются безнаказанны?**

— На сайте Роскомнадзора есть ежедневно обновляемая таблица, в которой перечисляются СМИ, которые наказаны разнообразными штрафами за публикацию непроверенной, фейковой информации. На сайте Союза журналистов есть ссылка на эту страницу. Мы ее сделали, чтобы коллеги изучали этот вопрос

и понимали, за что можно нарваться на наказание. Некоторых по несколько раз наказывают. Мы это не скрываем, наоборот, объясняем, как правильно соблюдать законы, чтобы избежать штрафа. Во время пандемии эта ситуация была особенно актуальна, поскольку в той напряженной ситуации очень сильно распространялись слухи, фейки. Люди находились в страхе, и любые непроверенные новости могли мгновенно разлетаться на любую аудиторию через социальные сети, Telegram-каналы, YouTube-каналы.

По итогам пандемии, кстати, образовался интересный вывод: очень сильно возросло доверие аудитории к официальным СМИ. Если раньше доверие было к социальным сетям, блогам, то теперь люди поняли, что там правдивой информации в основном не найдешь, и стали смотреть (даже молодежь) программы основных каналов. Это доверие к официальным СМИ, конечно, надо сохранить и развивать дальше. Я думаю, что для всех наших журналистов это вот такой вызов.

— **В зарубежной прессе практически невозможно найти позитивные новости о России. То же самое касается и российских средств массовой информации. С чем это связано? Свидетельствует ли это о том, что Россия и страны Запада находятся в состоянии перманентной информационной войны?**

— Да, по сути, это так. Это перманентная информационная война. Недавно вышло исследование РИА Новости¹: в прессе США и Западной Европы около 60% составляет негативная информация о России и только 4% — положительная. Тут тоже можно быть оптимистом, если сказать, что все остальные проценты — нейтральная информация. К сожалению, все это так. Сейчас возникла тема волнений в США, которая тоже не всегда объективно освещается. Кроме того, у нас почему-то очень трепетно относятся к тому, что про нас напишут на Западе. Если, например, появляется какая-нибудь статья в The New York Times, то ее в каком-нибудь ток-шоу эксперты часами обсуждают. Одну эту статью. Такая же история может быть и на некоторых французских, немецких, английских, американских каналах. Да, это так. Мы находимся в таком состоянии, следствием которого является международная обстановка, взаимоотношения между странами. Самое главное, чтобы информационная война не перешла в войну горячую.

— **Какие современные тенденции в сфере журналистики Вы можете назвать?**

— Если брать 10 лет, то это, конечно, небывалый рывок технологий, который позволяет нам сейчас с вами разговаривать. Журналист сегодня должен знать, уметь и пробовать практически все. Например, в процессе работы телевизионный журналист

¹ Речь идет о представленном в июле МИА «Россия сегодня» исследовании «Осьминог 2.0. Коронавирус в России».

передает материал в редакцию, параллельно бросает что-то в социальные сети, параллельно иногда пишет в родственную газету, как это происходит в холдинге МИЦ «Известия». Может быть, по такому принципу теперь будет развиваться журналистика, то есть в таком комплексе. Прекрасный пример — «Комсомольская правда». Это сразу и газета, и радио, и сайт. Из-за этого и появляется многобillionная аудитория. Кроме этого, появилось огромное количество цифровых каналов. Раньше кабельные сети или спутниковые операторы хвалились тем, у кого больше каналов, но постепенно люди стали понимать, что если у тебя тысяча или две тысячи каналов, то уже все равно, поскольку смотрят только определенное количество. При этом люди стали под себя подстраивать поток информации. Такое направление тоже существует. Конечно, за это десятилетие почти все СМИ ушли в Сеть, то есть теперь ни газета, ни телеканал, ни радиостанция не могут без интернет-приложения, где иногда аудитория намного больше. А многие печатные СМИ полностью ушли в Сеть, в печатном виде их уже не существует. Такая тенденция, вероятно, сохранится, хотя я очень надеюсь, что поддержать газету и журнал мы все еще сможем. Пусть даже несколько лет или десятилетий ближайших.

— Что Вы считаете важным в журналистике? Какие основные принципы работы журналиста?

— Сейчас самое важное — уметь фильтровать информацию, поскольку на нас сваливается такой поток всего каждый день, что можно просто растеряться. Профессиональный журналист должен уметь этот поток действительно фильтровать, выбирать для себя несколько основных источников информации, уметь их правильно анализировать, чтобы интересно доносить до своих зрителей, читателей, слушателей. Конечно, нужно читать много книг, нужно хорошо знать профессионалов в журналистике, необходимо обязательно изучить опыт журналистов предыдущих поколений, а лучшие образцы журналистики, публицистики, документального кино, репортажей нужно знать. Надо также уметь быстро ориентироваться в пространстве, быть выносливым физически и с крепкими нервами, потому что у нас очень непростая работа, которая отнимает много здоровья, нервов. При этом должно быть везение, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время.

— Должен ли журналист быть честным, может ли он быть объективным?

— К этому обязательно надо стремиться, поскольку каждый по-своему понимает и определяет эти понятия. Если ты много лет зарабатываешь свой авторитет и где-то случайно совершишь, то этот авторитет рухнет. В этом тоже непростая часть нашей работы. Надо беречь свой имидж, беречь свой авторитет. Если ты профессиональный журналист, надо стараться не

врать, стараться многократно проверять информацию и стараться правильно передавать ее своим читателям, слушателям и зрителям. И только тогда ваши материалы будут стремиться слушать, читать, смотреть, и вам будут доверять.

— В одной из своих работ У. Эко написал, что «журналист не обязан быть объективным. Он обязан свидетельствовать. Он должен свидетельствовать о том, что знает и должен сказать, что он сам думает по этому поводу». Согласны ли Вы с этим высказыванием? Если нет, тогда в чем заключается задача журналиста?

— Сказать, что сам думаешь по этому поводу, можно в публицистическом, комментарийном материале. И это тоже очень важно, но это уже граница между журналистикой и политологией в какой-то части, если это связано с политикой или международными отношениями. Но в большей части все-таки журналист должен объективно передавать прочитанные и увиденные факты или события, которые происходят перед его глазами. Передавать по возможности беспристрастно так, как работают информационные агентства или службы новостей. А комментировать — немного уже другая ступень, как я уже сказал, это переход от журналистики к публицистике, к политологии и писательству.

— То есть получается, что необходимо видеть границу между изложением фактов и интерпретацией этих фактов?

— Да, обязательно. Я могу привести пример. Если вы смотрите программу «Время», ее ведущие Екатерина Андреева и Виталий Елисеев, как это всегда было принято в программе, сообщают новости, без собственных комментариев, они никогда не позволяют себе этого. Но некоторое время программу вел руководитель Дирекции информационных программ Кирилл Клейменов, который немножко видеоизменил программу, которая по сути стала не информационной, а авторской, поскольку он постоянно от себя лично комментировал происходящие события. Вот это пример того, как может поменяться программа.

— Существует ли принципиальная разница в работе журналиста в России и за рубежом?

— Я думаю, что не существует. Принципы работы все одинаковые, и на факультетах журналистики учат в основном работать по одинаковым принципам. Так что теперь уже точно большой разницы нет. Если во времена Советского Союза, противостояния систем, где очень часто политика вмешивалась в работу, то теперь принципы работы у всех одинаковые. Все зависит от таланта, возможностей передачи информации.

*Беседу вела
Мария Савина*

Игорь Суздальцев: «Форекс — это формационный признак капитализма»

Создатель интерстрима инвесторов YouTrade.TV Игорь Николаевич Суздальцев рассказал о выборе своей профессиональной деятельности, развитии отечественного финансового рынка и его отличии от западных рынков, о цели создания собственного проекта YouTrade.TV.

— В финансовых кругах и деловом сообществе Вас знают прежде всего как создателя интерстрима инвесторов YouTrade.TV, чуть менее — как первого президента организации специалистов финансовых рынков ACI Russia. Это одна сторона Вашей биографии. Но есть и другая. Даже две, о которых не каждому известно. В начале 2000-х годов Вы были и соучредителем регионального движения, и руководителем избирательного штаба кандидата на должность президента. А однажды и сами стали кандидатом, правда, на должность мэра Москвы. Это что касается общественно-политической деятельности. Вторая — не менее интересная. Вы, оказывается, еще и кандидат исторических наук. Давайте обо всем по порядку. С чего Вы начинали? Как из университетской среды попали в политику, а оттуда уже на финансовый рынок? В конце концов, как кандидат исторических наук со специализацией по теории наций и национального строительства стал финансистом?

— Начну с главного — между теорией наций и валютной торговлей на рынке Форекс есть прямая связь, поскольку нация — это большая группа людей, объединенных общностью территории, экономики и трех гражданских прав: права владения частной собственностью, права владения и ношения оружия и права свободного валютного обмена. Каждый из пяти элементов нации имеет критически важное значение и является классифицирующим признаком общества. Территория дает членам нации место постоянного проживания, экономика позволяет удовлетворять основные потребности, право частной собственности позволяет работать на себя и свою семью, право владения и ношения оружия — защищать жизнь и частную собственность с оружием в руках, а право свободного валютного обмена позволяет гражданину, в случае угрозы со стороны государства, продать свое имущество, конвертировать деньги в нужную валюту и переехать в другую страну. Таким образом, Форекс — это формационный признак свободной нации в рыночном капиталистическом обществе, а развитие свободного валютного обмена граждан России — это ровно то, для чего я стал руководителем избирательного штаба одного из кандидатов на должность Президента РФ в 2000-м году, защитил кандидатскую диссертацию в 2001-м, зарегистрировал ACI Russia в 2004-м, выдвигался на должность мэра Москвы в 2013-м и 2018-м, создал интерстрим инвесторов YouTrade.TV в 2014-м. Эти разные формы деятельности объединены одной целью — развитие рынка Форекс в России.

— Почему Вы выбрали именно теорию наций? Как мне кажется, это вопрос больше политологии и социологии, нежели чем исторической науки?!

— Теория наций и национального строительства — это передовая линия прогрессивного развития общества, междисциплинарное научное направление, которое включает в себя многие элементы политики, экономики и права, и поэтому националогам удается определять как тренд развития общества в целом, так и тренд государственной валюты в частности. Например, именно специалисты в этой области наиболее точно формулируют роль свободного валютного обмена как клапана, который позволяет выпускать пар социального протеста, чтобы не сорвало крышку. Когда недо-

вольный человек продает имущество, конвертирует средства в иностранную валюту и уезжает вслед за деньгами за рубеж на ПМЖ, он, как правило, начинает новую жизнь с нуля, мало интересуется исторической родиной и уходит из ее политики. И именно право свободного валютного обмена дает ему такую возможность, и именно поэтому в современной теории наций есть норма, сформулированная Фридрихом Хайеком, лауреатом Нобелевской премии по экономике, в его книге «Дорога к рабству», — дорога к рабству начинается с ограничения прав граждан на свободный валютный обмен.

— Давайте теперь поговорим о Вас как о политике, уже бывшем. Или бывших политиков, так же как и бывших сотрудников КГБ, не бывает? Что Вы хотели получить от этой деятельности?

— А, действительно, почему бывшем-то? Я и сейчас политик, просто смелым нужно быть, когда можно. А сегодня не лучшее время для либеральных рыночных идей, поэтому приходится отступать на последний рубеж, который мы не можем сдать — сильный рубль, и не допускать падения этой баррикады. Это будет не просто сделать, так как опять начались олигархические песни из 90-х о пользе девальвации, хотя всем давно понятно, что «сильная экономика = низкие налоги + сильная государственная валюта», а девальвация — это зло, только зло и ничего кроме зла. Вдумайтесь — о какой пользе может идти речь, если предприятие в условиях гиперинфляции не может планировать свои затраты? Сегодня Вы планируете купить сырье и зарубежное оборудование по одной цене, а завтра цена сырья и курс «доллар-рубль» уже совсем другие. Все, бизнес закончен, «здоровствуй, банкротство». Разумеется, от девальвации выигрывают экспортеры энергоресурсов, которые продают валютную выручку дорого, но тут нам всем нужно определиться, на кого мы работаем — на себя или на экспортеров. Я, честно говоря, вообще против экспорта сырья за рубеж, так как этим мы поддерживаем другие экономики, сами себе создаем конкурентов. Это неправильно.

Говоря в целом, могу сказать, что, как политик, я хочу получить от этой деятельности курс «доллар-рубль-паритет», этот сон снится мне постоянно.

— Какой идеи придерживались? И какую программу собирались предлагать на выборах мэра? Планируете еще избираться?

— На выборах мэра Москвы в 2013 г. я выдвигался с программой «Москва — международный финансовый центр» с основной идеей развития рублевого рынка, увеличения доли рубля в общем объеме мирового валютного рынка, продвижения рубля в международные резервы зарубежных стран. Поскольку после санкций 2014 года эта тема закрылась, моя программа на мэских выборах — 2018 называлась «Москва — столица технологий». В будущем, конечно, планирую еще избираться, очень надеюсь, что с финансовой программой.

— При знании Вашего бэкграунда историка увлечение политикой еще объяснимо. Но как Вы оказались на финансовом рынке?

— У меня, кстати, два высших образования, второе — экономист, специальность «Финансы и кредит». Поэтому я могу квалифицированно подтвердить слова дедушки Ленина: политика есть концентрированное выражение экономики. Поэтому если кто-то разделяет понятия «политика» и «экономика», значит он чего-то не понимает. В жизни так часто бывает. Например, если мужчина и женщина дружат, значит кто-то чего-то не понимает. При этом подчеркну, что валюта, эмитируемая и контролируемая государством, является больше политической категорией, чем экономической. Думаю, многие замечали, что курс какой-либо валюты часто не соответствует уровню экономического развития государства-эмитента, это происходит именно потому, что курс определяется в основном политическими факторами — война и мир, внутренняя стабильность, соблюдение прав граждан и т.д.

А мой путь на финансовый рынок был простым: в начале 90-х годов бизнесу понадобились специалисты по финансовым рынкам, и я был рад этим заняться, перейти от теории национального строительства к практике. Так с тех пор этим и занимаюсь.

— Вы были первым президентом ACI Russia. Какие тогда перед Вами стояли задачи? Какое значение эта организация имела для российского рынка тогда и имеет сейчас? Действительно ли она так необходима?

— Валютный рынок — это форма корпоративного сговора крупных банков и инвесткомпаний. Курс валюты — это результат их договоренности на тему «против кого сегодня дружим». Поэтому, кстати, торговая стратегия «следим за крупным игроком» имеет право на существование. Но договориться удастся не всегда, и вот тогда начинается валютный рынок в формате «война каждого против всех», где нет союзников и пленных, — не берут. Так вот, ACI Russia была создана как раз для установления хороших деловых отношений с зарубежными контрагентами, чтобы против рубля дружили реже, и эта функция постоянного положительного контакта работает до сих пор.

— На какой стадии развития, по Вашему мнению, находится российский финансовый рынок? Насколько далеко он отстает от европейского или американского? В каком направлении государству и Банку России стоит двигаться, чтобы рынок не просто развивался, но при этом еще и соответствовал лучшим стандартам?

— Российский финансовый рынок находится на стадии развития, за последние годы было несколько положительных решений, например, отказ от бивалютной корзины и принятие знака рубля. В то же время целый ряд важных проблем не разрешается десятилетиями. Например, двойное буквенно-цифровое обозначение нашей государственной валюты «российский рубль». Тут суть дела в следующем: международным стандартом ISO 4217 установлено применение следующих

классификационных характеристик валюты Российской Федерации: наименование валюты — российский рубль, цифровой код — 643, буквенный код — RUB. Но при этом, в соответствии с положением Банка России от 27 февраля 2017 г. № 579-П «О Платежных документах бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядке его применения», а также ранее действовавшими нормативными актами Банка России, кредитными организациями для нумерации лицевых счетов, открытых для осуществления операций в валюте Российской Федерации, применяется старый код рубля 810, который наряду с буквенной аббревиатурой RUR применялся до 1998 г., причем код 810 и сейчас является обязательной составной частью номера лицевого счета. Таким образом, код российского рубля 643 применяется при международных расчетах РФ, когда код валюты является отдельным реквизитом расчетного документа, а код 810 используется как признак рубля при нумерации лицевых счетов. Разумеется, это создает обстановку подозрительности в международных расчетах, поскольку разница между номиналами двух кодов составляет размер деноминации, т.е. разница в тысячу раз! Зачем мы держим два кода рубля и подрываем имидж своей валюты, не понимает никто в мире. Особое изумление вызывают объяснения Банка России по этому поводу. Например, 30 июня 2020 г. на мой запрос с предложением отказаться от кода 810 пришел ответ, что «в настоящее время оба указанных признака относятся к одной и той же валюте Российской Федерации — рублю образца 1997 г. (после деноминации), в связи с чем требование о проведении конвертации рубля в соотношении 1:1000 в зависимости от кода валюты не основано на законе». Вот как это может быть? Коды ISO устанавливаются Международной организацией по стандартизации (ISO), и там прямо указано — 643 RUB, а кодов 810 RUR там давно нет. То есть за 22 года Банк России не смог поменять код 810 на 643, зачем-то использует оба, и мы удивляемся, почему объемы рублевого оборота в мире не растут...

И еще об одном принципиальном отличии российского финансового рынка от западных: из 1158 лет российской государственности финансовый рынок открыт для наших граждан всех сословий только последние 28 лет, то есть 2,4% времени существования страны. Мы слишком мало живем в условиях рынка, и, глядя на сворачивание предпринимательства и ликвидацию частных банков, выскажу крамольную мысль: у нас было время, когда торговля на финансовых рынках была закрыта для 90% граждан, и у нас будет время, когда торговля на финансовых рынках будет закрыта для 90% граждан. Именно поэтому мы на YouTrade.TV начали развивать смежные форматы инвестирования — инвестиционные потребительские кооперативы, инвестиции в искусство и др. Причем очередная ликвидация нэпа произойдет не потому, что кто-то злой и недобрый, просто логика идущего сейчас усиления роли государства в экономике всегда приводит к такому результату. Огосударствление экономики и частные трейдеры — явления несовместимые.

— Как Вы думаете, может ли Москва или Санкт-Петербург стать одним из мировых финансовых

центров? Насколько это вероятно при нынешнем раскладе?

— Нет, сейчас это невозможно. Нам нужно замирился со всем миром, но пока на это не похоже.

— Хочу Вас спросить насчет проекта YouTrade.TV. Что это такое? Для чего он нужен? На кого рассчитан? Какую роль занимаете в этом проекте Вы?

— Интерстрим инвесторов YouTrade.TV с многосторонним широковещанием дает возможность любому зрителю зайти в прямой эфир и высказать свое мнение о рынке. Наша миссия заключается в повышении финансовой грамотности трейдеров, для этого мы помогаем нашим зрителям ответить на интересующие их вопросы: как научиться торговать на финансовых рынках, какие торговые стратегии эффективны, что такое риск-менеджмент и многие другие. Совместная торговля в прямом эфире — это лучший образовательный процесс.

Отмечу, что мы были первыми в мире, кто начал вещать в таком демократическом формате, это случилось 30 июня 2014 г.

— Какие вопросы чаще всего задают трейдеры? Случались ли конфликтные ситуации или, может, были какие-то провокации?

— Основной вопрос участников YouTrade.TV похож на название телепередачи на Первом канале «Как стать миллионером?». На него все вместе и пытаемся ответить. Конфликтные ситуации бывают редко, в основном это связано с повышенной эмоциональностью некоторой части участников.

— В какой юрисдикции в основном торгуют трейдеры на Вашем канале? Как, по Вашему мнению, обстоит с этим ситуация за рубежом, то есть там все же больше тех, кто торгует в рамках своего государства? Как привлечь тех, кто выбрал иностранную юрисдикцию?

— Наши участники «торгуют все, что движется» в разных юрисдикциях, у многих по несколько счетов, сочетание счетов «Мосбиржа — Америка — Форекс» можно считать классикой. В связи с нынешними социальными протестами в США идет переток части российских клиентов на британских и швейцарских брокеров. А привлечь россиян на российские лицензированные площадки можно только через создание комфортных условий, о которых я уже много раз говорил: во-первых, расширить линейку торгуемых инструментов; во-вторых, разрешить юридическим лицам быть клиентами лицензированных российских форекс-компаний, в этом случае их крупными клиентами могли бы стать и создаваемые сейчас инвестиционные кооперативы, и, в-третьих, необходимо дать самозанятым право на управление активами через механизм номинальных счетов, что также будет способствовать притоку клиентов.

Разумеется, здесь все будет зависеть от того, докричит ли трейдерское сообщество до регулятора и законодателей. Да, пока не очень получается, но кто обещал, что будет легко?

Беседу вела
Мария Савина

Права и обязанности в правоотношениях по суррогатному материнству

Емелина Людмила Анатольевна,
доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
кандидат юридических наук
emelina-la@ranepa.ru

В последнее время все более пристальное внимание юридического сообщества уделяется вопросам правового регулирования суррогатного материнства.

Суррогатное материнство — это метод, при котором женщина соглашается забеременеть и родить ребенка по контракту. Она может быть генетической матерью ребенка (более традиционная форма суррогатного материнства), или она, как гестационный носитель, может перенести беременность после имплантации эмбриона. Суррогатное материнство является спорной, а в некоторых юрисдикциях даже незаконной медицинской процедурой.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. началась коммерциализация медицины. Например, в Санкт-Петербурге открылся филиал Чикагского института репродуктивной генетики — Международный центр репродуктивной медицины (МЦРМ), ставший пятым частным коммерческим центром в России. Затем коммерческие центры экстракорпорального оплодотворения (далее — ЭКО) были созданы в Тюмени, Красноярске, Самаре, Сочи. К 1995 году в Российской Федерации насчитывалось около 12 клиник, которые выполняли около 80% циклов вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ). В настоящее время в России насчитывается уже более 250 центров ВРТ¹.

Когда речь заходит о правах и обязанностях сторон соответствующих семейно-правовых отношений — юридических и генетических родителей, на практике возникают многочисленные вопросы.

Нормы Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) и Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее — Закон № 143-ФЗ) закрепляют право быть записанными в качестве родителей только лиц, состоящих в браке между собой, давших свое согласие

на применение методов вспомогательных репродуктивных технологий.

В связи с рассогласованностью норм указанных актов возникают проблемы, связанные с регистрацией детей, рожденных в результате применения суррогатного материнства. Органы ЗАГС часто отказывают в регистрации детей мужчинам и женщинам, не состоящим в браке, и одиноким женщинам, которые воспользовались суррогатным материнством. Единственной возможностью зарегистрировать рождение ребенка для данной категории лиц оказывается обращение в суд. При этом суды в подавляющем большинстве случаев принимают сторону биологических родителей и выносят решения о регистрации органами ЗАГС таких детей. Во избежание расширения подобной практики представляется, что необходимо четко регламентировать в российском законодательстве процедуру государственной регистрации рождения детей, появившихся на свет в результате применения суррогатного материнства, и перечень документов, необходимых для такой регистрации.

В этом отношении весьма актуальным стало принятие Верховным Судом Российской Федерации постановления Пленума от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». Предыдущие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации применялись судами более 20 лет. За этот период изменились многие нормы семейного законодательства, регулирующие вопросы установления происхождения детей, в медицине появились новые репродуктивные технологии зачатия детей посредством процедур инсеминации и ЭКО, было официально разрешено суррогатное материнство. Кроме того, независимо от способа появления ребенка всегда будут возникать споры, связанные с его происхождением. В этой связи Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал судам руководящие

¹ Емелина Л.А., Малюк Т.О. Вопросы совершенствования кредитных механизмов в целях развития суррогатного материнства // Банковское дело. 2020. № 1. С. 60.

разъяснения, как применять нормы действующего законодательства при рассмотрении подобных дел.

Вместе с тем некоторые вопросы по-прежнему остаются в принципе не урегулированными в законодательстве, в связи с чем не могут найти отражения и в постановлении, а отдельные представленные судам разъяснения требуют дополнительного уточнения. Например, отказ суррогатной матери дать согласие на запись в качестве родителей лиц, заключивших с ней договор о суррогатном материнстве (потенциальных родителей), не является основанием для отказа последним в удовлетворении иска о признании родителями ребенка и передаче ребенка им на воспитание (п. 31 постановления).

Пленум обращает внимание судей на то, что следует проверять обстоятельства, имеющие значение для принятия правильного решения по делу, в том числе по каким причинам суррогатная мать отказывается дать согласие на запись в качестве родителей истцов — потенциальных родителей.

Следует отметить, что положения российского законодательства, регулирующие суррогатное материнство, сводятся главным образом к определению его понятия, а также порядку проведения репродуктивных технологий. В этой ситуации определение суррогатного материнства, данное в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон № 323-ФЗ), породило многочисленные дискуссии среди ученых.

Так, нормы законодательства связывают определение суррогатного материнства с договором, заключенным между суррогатной матерью и потенциальными родителями. При этом в иных нормативных актах (в том числе в СК РФ) не конкретизируется, какой именно договор имеется в виду.

Нерешенным остается вопрос о международном суррогатном материнстве. Так, при рассмотрении Европейским судом по правам человека дела «Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии» было установлено, что законодательством Италии вспомогательные репродуктивные технологии считаются незаконными, поэтому супруги заключили договор о суррогатном материнстве с российской компанией. После успешного проведения ЭКО (предположительно спермой заявителя) родился ребенок. Суррогатная мать дала согласие на запись их в качестве родителей. Власти Италии отказали в выдаче свидетельства о рождении, обвинив супругов в незаконном усыновлении. По результатам анализа ДНК выявилось, что между родителями и ребенком отсутствует генетическая связь. В отношении ребенка начали процедуру передачи под опеку. Приведенный пример вызывает ряд вопросов и позволяет сделать некоторые выводы: во-первых, если генетический

материал не принадлежит генетическим родителям, то усматривается либо обман потенциальных родителей, либо преступное соглашение между ними и медицинским персоналом; во-вторых, требует выяснения роль в произошедшем суррогатной матери. Если зачатие ребенка произошло на основе ее материала, то фактически имеет место завуалированная продажа своего ребенка. В таком случае, по нашему мнению, не могут не возникнуть уголовно-правовые вопросы².

Следует отметить, что не во всех странах (например, Италия, Франция и др.) допустимо суррогатное материнство, поэтому законоположения должны максимально урегулировать все правовые нюансы суррогатного материнства как для российских граждан, так и для иностранных (аналогично иностранному усыновлению). Как следует из толкования указанных положений законодательства, статус суррогатной матери определяется как статус женщины, родившей ребенка, а не матери, в связи с чем непонятны мотивы законодателей при введении данного положения в семейное законодательство.

Одним из популярных исследовательских способов решения задач является анализ зарубежного опыта и законодательства соответствующей отрасли. Привлекательным примером может послужить практический опыт Республики Беларусь, Греции и Израиля³.

Закрепляя указанные императивные нормы, предоставляющие суррогатной матери преимущественное, ничем не обоснованное право наделять родительскими правами генетических родителей, законодатель фактически демонстрирует безразличие к интересам генетических родителей. В данном случае законодатель охраняет интересы только одного участника возникших правоотношений — суррогатной матери, не принимая во внимание необходимость охраны, во-первых, лично генетических матери и отца ребенка и, во-вторых, их семьи в целом, для которой отказ суррогатной матери передать рожденного ею ребенка может иметь крайне неблагоприятные последствия, вплоть до прекращения семейных отношений.

Таким образом, неизбежно нарушаются и умаляются права и законные интересы генетических родителей в реализации совокупности родительских прав (стать родителями, воспитывать ребенка, заботиться о нем и т.д.).

Возвращаясь к понятию суррогатного материнства, закрепленному в ч. 9 ст. 55 Закона № 323-ФЗ, отметим, что суррогатное материнство представляет

² См.: Информация о Постановлении ЕСПЧ от 24 января 2017 г. по делу «Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии» (жалоба № 25358/12) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2017. № 6 (180).

³ Емелина Л.А., Малюк Т.О. Правовое регулирование отношений в области суррогатного материнства в Российской Федерации и отдельных странах // Право и образование. 2020. № 2. С. 117.

собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, т.е. на основании волеизъявления сторон, собственных интересов, свободы в установлении прав и обязанностей в условиях договора (п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ).

Таким образом, в отличие от СК РФ, в Законе № 323-ФЗ указан значительно более широкий круг субъектов, имеющих право на применение метода суррогатного материнства. В связи с этим возникает очевидная коллизия законов — СК РФ и Закона № 323-ФЗ, которую необходимо разрешить для формирования единообразной правоприменительной практики. Полагаем, что Закон № 323-ФЗ, будучи *lex specialis*, обладает большей юридической силой для рассматриваемых правоотношений. Более того, будучи принят существенно позднее СК РФ, Закон № 323-ФЗ более полно отражает новейшие научные достижения в медицинской и биологической сферах, а также более корректно учитывает регулируемые общественные отношения.

В завершение следует отметить, что вопросы суррогатного материнства требуют обязательного учета в ходе реформы СК РФ. Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко обратила внимание на необходимость актуализации Семейного кодекса, предложив разработать и принять новый кодекс⁴. Оптимальным способом разрешения выявленной коллизии представляется внесение коррелирующих изменений в СК РФ, что позволит обеспечить равную юридическую защиту участников правоотношений независимо от применяемого в конкретном деле нормативного правового акта и избежать регуляторного арбитража и нарушения прав граждан в столь чувствительной сфере, как семейная.

⁴ Емелина Л.А. Актуальные проблемы реализации государственной семейной политики в Российской Федерации // Обеспечение и защита прав ребенка: международный опыт и российская практика : материалы по итогам круглого стола «Защита прав ребенка» (Москва, 16 октября 2015 г. — 16 октября 2016 г.). М. : Изд-во «Права человека», 2016.

Литература

1. Емелина Л.А. Актуальные проблемы реализации государственной семейной политики в Российской Федерации / Л.А. Емелина // Обеспечение и защита прав ребенка: международный опыт и российская практика : материалы по итогам круглого стола «Защита прав ребенка» (Москва, 16 октября 2015 г. — 16 октября 2016 г.) / редактор Е.М. Павленко. Москва : Права человека, 2016. С. 23–29.
2. Емелина Л.А. Правовое регулирование отношений в области суррогатного материнства в Российской Федерации и отдельных странах / Л.А. Емелина, Т.О. Малюк // Право и образование. 2020. № 2. С. 116–121.
3. Емелина Л.А., Малюк Т.О. Вопросы совершенствования кредитных механизмов в целях развития суррогатного материнства // Банковское дело. 2020. № 1. С. 60–62.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

К вопросу о необходимости реформирования стандартов высшего юридического образования в Российской Федерации (часть I «Бакалавриат»)

Демидов Дмитрий Геннадьевич,
доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
адвокат Спасской коллегии адвокатов Санкт-Петербурга,
член Адвокатской палаты Санкт-Петербурга,
кандидат юридических наук, доцент
dimitrydemidow@gmail.com

Работая в системе высшего образования более двенадцати лет, автор настоящей статьи считает возможным изложить свою позицию и сформулировать ряд тезисов в отношении актуального состояния российского высшего юридического образования.

В текущем году исполнится 8 лет, как научно-педагогическая среда живет по Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹. За неполные восемь лет в закон было внесено изменений более чем пятьдесят федеральными законами. Всем известна подобная практика российского законодателя, и никого из профессионального сообщества она не удивляет, подобный подход к законодательному процессу имеет непосредственное отношение к высшему юридическому образованию.

Длительное время российское образование двигалось в общеизвестном направлении Болонского процесса, и федеральные государственные стандарты третьего поколения разрабатывались под программы бакалавриата и магистратуры. В целом, по понятной российской традиции, от программ специалитета уйти так и не удалось не только в естественно-научных специальностях, но и в гуманитарных, в частности — юриспруденции (таких новых направлений специалитета становится только больше с каждым годом).

На сегодняшний день действует ряд ФГОС по юриспруденции, они включают программы бакалавриата, специалитета и магистратуры (всего на дату написания

статьи таких стандартов 7)². Указанные ФГОС планируется заменить на стандарты нового поколения (ФГОС ВО 3++)³, сроки введения новых стандартов на текущий день не установлены. Система российского юридического образования опирается на ФГОС и хотелось бы рассмотреть указанные стандарты с точки зрения не сухого формального подхода к их содержанию, а практического подхода к реализации данных стандартов в педагогической (андрагогической) практике.

Общеизвестно, что ФГОСы основаны на компетентностном подходе, который включает в себя определенную совокупность осваиваемых компетенций, поэтому общеупотребительной фразой в стандартах является следующая: «В результате освоения программы специалитета⁴ у выпускника должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные и профессионально-специализированные компетенции». Далее в стандарте следуют уточнения, что подразумевается за каждым шифром той или иной компетенции. На основании этой системы компетенций выстраивается структура программы по образовательным дисциплинам (модулям). Формальный подход позволяет утверждать, что данные стандарты вполне адекватны образовательной системе в высших учебных заведениях и в них присутствует прослеживаемая образовательная логика. Но как реализуются эти стандарты на практике?

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (по сост. на 30.12.2012).

² Справочная информация: Федеральные государственные образовательные стандарты // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. подробнее проекты стандартов на Официальном сайте портала федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/142/141/16> (дата обращения: 05.09.2020).

⁴ Бакалавриата, магистратуры, аспирантуры.

Отметим, что высшие образовательные учреждения на базе указанных ФГОС создают учебные планы и пишут образовательные программы по соответствующим направлениям, находятся в определенной, достаточно жесткой⁵ формальной структуре государственного образовательного стандарта. Только после всех формально-юридических образовательных процедур высшие учебные заведения начинают эти программы реализовывать.

В разработке рабочих программ дисциплин, учебно-методических комплексов участвует профессорско-педагогический состав (профильные преподаватели привлекаются к написанию программ по каждой из дисциплин); при написании этих документов преподаватели руководствуются соответствующими стандартами — государственными и внутренними (вузовскими). По общей практике данная работа преподавателям не оплачивается или входит в мифические часы⁶, разработанные методологическими подразделениями института. Здесь подчеркнем, что, конечно, разработка учебных программ — важная и серьезная работа, но в действующей вузовской практике эта работа полностью формализована и не несет в себе никакой сущностной составляющей. Каждые несколько лет рабочие программы переписываются по формальным ненужным признакам, что превращает работу преподавателя по написанию таких программ в работу по шаблонизации программы дисциплины, замене одних таблиц на другие с шифрами компетенций. При элементарном анализе рабочих программ дисциплины⁷ несложно заметить, насколько данные программы видоизменяются по формальным признакам, при этом менять безусловно необходимо лишь содержательную часть, но, зачем для этого каждые несколько лет переделывать форму рабочих программ, не вполне понятно.

Очевидной причиной в таком формалистском подходе к образовательным документам являются тотальное огосударствление и формализация образовательного процесса в Российской Федерации.

Ярким примером формалистского подхода органов образовательного надзора к своим обязанностям является проверка Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2017 г.⁸ Одним из формальных поводов проверки стало указание на отсутствие доступной среды для людей с ограниченными возможностями, при этом достаточно просто пройти по вузам Петербурга, для того чтобы увидеть, что по такому признаку можно большую часть помещений (соответственно, и вузов) закрыть.

Итак, следует задаться вопросом: насколько отвечает содержание ФГОС по дисциплинам юридической реальности с точки зрения актуального состояния юриспруденции в России и мире? Обратимся к базовому ФГОС высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция (уровень бакалавриата)»⁹. Согласно п. 6.2 ФГОС программа бакалавриата состоит из трех блоков, включающих: дисциплины (модули), практики и государственную итоговую аттестацию. Для целей настоящей статьи рассмотрим блок 1 — «Дисциплины (модули)», который, как указано в ФГОС, «включает дисциплины (модули), относящиеся к базовой части программы, и дисциплины (модули), относящиеся к ее вариативной части». Согласно сумме зачетных единиц, это блок, занимающий более 90% времени в программе, и его базовая часть является обязательной для освоения. В большей степени в указанной части перечисляются юридические дисциплины классического цикла. Но в указанном блоке, например, есть и традиционный для советского образования блок по физической культуре и спорту. Согласно п. 6.5 ФГОС суммарное количество элективных дисциплин (модулей) должно составлять «не менее 328 академических часов», которые являются «обязательными для освоения». Автору, как педагогу с многолетним стажем¹⁰, совершенно непонятно, зачем такое количество часов по дисциплинам физической культуры включено в ФГОС и почему в нем отсутствуют, например, дисциплины, связанные с когнитивной наукой (при этом стандарт утвержден в 2016 г.).

Если аналитически подойти к исследованию образовательного процесса, то совершенно очевидным

⁵ Следует уточнить, что подобная жесткость стандарта, даже несмотря на кажущуюся большую автономность многих ведущих вузов России, предопределяется качеством проверок надзорных государственных органов, которые, как правило, не видят диспозитивных положений рассматриваемых стандартов. Для подтверждения данного тезиса достаточно провести опрос различного уровня вузовского руководства, которые с такими проверками сталкиваются.

⁶ Термин «мифический» применен не случайно, потому как «рас-часовка» по многим видам преподавательских работ — это ничем не обоснованные для преподавателя цифры. Система оплаты и должностные оклады по ставкам в системе высшего образования заслуживают отдельного исследования. Например, ставка доцента или профессора ниже, чем оклад продавцов или кассиров в магазинах розничной торговли.

⁷ Автором настоящей статьи написано более 20 учебно-методических комплексов и рабочих программ. Каждая из программ выкладывается вузом на официальном сайте.

⁸ См., напр.: Юдин Г. Почему атака на Европейский университет в Петербурге — катастрофа для российской науки и образования. URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/29/pochemu-ataka-na-evropeyskiy-universitet-v-peterburge-katastrofa-dlya-rossiyskoynauki-i-obrazovaniya> (дата обращения: 05.09.2020).

⁹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (по сост. на 29.12.2016).

¹⁰ В педагогической практике мне неоднократно приходилось сталкиваться с проблемами в расписании, когда студентов необходимо было отпускать раньше с профильной дисциплины, потому что расписание составлялось с временными накладками. А так как элективные дисциплины проходили в помещении и на спортплощадке на другом конце Санкт-Петербурга, студенты просто не могли вовремя, с учетом действующего расписания, доехать на такие занятия.

(и это демонстрируют все программы передовых высших учебных заведений мира) становится тот факт, что достаточно создать высокий уровень спортивной инфраструктуры в вузе и студенты сами, вне образовательного процесса, будут заниматься теми видами спорта, которые им интересны. Более того, в США и странах Европы студенческие спортивные команды являются высокодоходными и приносят вузу дополнительные денежные средства.

Когнитивная наука, биология поведения человека, социальная психология, психология, нейронаука, введение в анализ метаданных — это все области знания, практически чуждые российскому юридическому образованию. Элементарное исследование российских образовательных программ юриспруденции уровня бакалавриата демонстрирует просто тотальное игнорирование перечисленных дисциплин, несмотря на то, что уровень современных знаний о мозге и поведении человека в совокупности с достигнутым уровнем анализа метаданных кардинально меняет подходы к законодательному регулированию общественных отношений. В вводной лекции по курсу «Биология поведения человека», прочитанной в Стэнфордском университете, известнейший биолог и психолог Роберт Сапольски¹¹ начинает с примеров из юриспруденции, ярких примеров по юридической оценке поведения человека в судебной практике США. Профессор психологии Элизабет Лофтус исследует и публикует фундаментальные исследования по памяти человека¹², которые также используются в юридической практике США. Это лишь два небольших примера, когда труды исследователей из неюридических наук являются одними из самых важных для исследователей права и практикующих юристов.

Хотелось бы задаться вопросом: почему российское юридическое образование настолько отстает от актуального развития фундаментальных наук о поведении человека, притом что именно юриспруденция призвана регламентировать и регулировать это самое поведение человека, формировать его правовые основы?

Безусловно первым и, на наш взгляд, очевидным ответом на приведенный вопрос является смещение образовательного процесса в сторону образовательной услуги. Достаточно посмотреть на динамику цен российского высшего образования за последние 10 лет, и ответ приходит сам собой. В речах руководи-

телей вузов часто слышится гордость за такой показатель, как «количество студентов», в коннотации: «чем больше количество студентов, тем лучше». Этот подход в XXI в. является не только ошибочным, но и в какой-то степени губительным для высшего образования. Не бывает высшего образования для всех, а само высшее образование не может быть услугой, потому что, если мы рассматриваем образование в качестве услуги, тогда появляется неизбежный элемент — субъект потребления этой услуги — потребитель. Уровень «развития» в нормативном регулировании образовательных услуг дошел до того, что в договорах пишутся ссылки на статьи Закона «О защите прав потребителей»¹³. Но если относиться к студенту как потребителю услуг, то он неизбежно будет именно потребителем, точно таким же потребителем, который покупает услуги по ремонту транспортного средства, косметологии и обслуживанию бытовой техники. Интересным нюансом такой сложившейся системы образовательных услуг является то, что динамика увеличения цен на высшее образование никак не связана с зарплатами научно-педагогического состава вуза.

Вторым ответом на поставленный выше вопрос является безусловная дискредитация в России среднего профессионального образования в целом и юридического в частности. Как руководитель юридических департаментов в прошлом и практикующий адвокат, автор настоящей статьи неоднократно на собственном опыте убеждался, что большинство выпускников со степенью бакалавра не являются студентами с уровнем знания специалиста с высшим образованием, это именно уровень среднего профессионального образования. При этом, указывая на данный факт, нет целей негативно характеризовать подобных студентов, просто уровень бакалавриата сегодня на базе исследуемых стандартов — это уровень среднего профессионального образования. И этом плохо по нескольким причинам: 1) создается миф о высоком уровне знания и освоения компетенций людей, получивших высшее образование (что по факту не так); 2) среднее профессиональное образование продается по ценам высшего образования; 3) с геометрической прогрессией увеличивается риск безработицы среди выпускников-юристов¹⁴. К сожалению, подобная ситу-

¹³ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

¹⁴ См., напр.: Пестерева А. Молодые юристы и экономисты остаются без работы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3533877> (дата обращения: 07.09.2020); Трушин А. Безработный возраст. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4341606> (дата обращения: 07.09.2020). В разделе «Спрос и предложение, уровень конкуренции. Каких молодых специалистов ищут работодатели России?» исследования ведущей HR-компании в России HeadHunter по молодым специалистам I квартала 2020 г. профессии «юрист» попросту нет. См.: Рынок труда молодых специалистов накануне кризиса. I квартал 2020 г. URL: <https://spb.hh.ru/article/26787> (дата обращения: 07.09.2020). Важно отме-

¹¹ Доступна для просмотра на русском языке на канале Vert Dider сервиса YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ik9t96SMtB0&list=PL8YZyma552VcePhq86dEkohvoTpWPuauk> (дата обращения: 07.09.2020).

¹² См., например: Лофтус Э., Кетчем К. Свидетель защиты: шокирующие доказательства уязвимости наших воспоминаний. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.; Лофтус Э. Память: Пронзительные открытия о том, как мы запоминаем и почему забываем. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 256 с.

ация сегодня устраивает многих: родители рады, что дети получают высшее образование; вузы продают образовательных услуг каждый год все больше и получают все больший доход. Но реальность уже сегодня говорит о том, что подобная симуляция образования в юридической образовательной системе ведет к неизбежному тупику.

Если мы обратимся к современной квалификации юриста в компании, то увидим, что эта квалификация все больше сводится именно к работе базового юридического консультанта¹⁵. Она в первую очередь связана с составлением договоров и первичным юридическим анализом документов, ситуаций и т.д. Автоматизация современных юридических процессов во многом делает базовую (еще раз подчеркнем — базовую) работу юриста операторской работой — то есть работой с формами и правовыми системами¹⁶. И когда бакалавр юриспруденции приходит работать в компанию или государственный орган, он с удивлением узнает, что его представления о юридической профессии сильно меняются в сторону огромного количества технической юридической работы, работы с системами, а не демонстрацией ораторского мастерства в залах суда (с чем у современного поколения молодых юристов тоже проблемы). Многие опытные руководители юридических департаментов и компаний знают, как часто приходится сталкиваться с завышенной само-

оценкой молодых специалистов, которые достаточно часто привносят в трудовой коллектив много неожиданных проблем, так как зачастую просто не умеют взаимодействовать с людьми, подразумевая, что их «серьезное высшее юридическое образование» позволяет продемонстрировать «истинные» знания по правовым процессам компании. Поэтому еще раз укажем на обозначенное отсутствие цикла психологических дисциплин в ФГОС по юриспруденции как на сущностную проблему.

Итак, здесь следует вернуться к тем самым компетенциям, о которых упоминалось в начале статьи. Их список очень широк в каждом из ФГОС, но мы ограничимся уровнем бакалавриата. В разделе 5 ФГОС указываются 3 группы компетенций: общекультурные (9), общепрофессиональные (7) и профессиональные (16). Если рассматривать практику использования и детализации компетенций в учебных планах и рабочих программах, то несложно будет увидеть все тот же формалистский подход, который заключается в приписывании каждой из дисциплин шифров тех или иных компетенций. Но в «сухом остатке» освоения всех 32 компетенций стандарта мы увидим в выпускниках лишь 20–25%. Самое удивительное заключается в том, что и уполномоченные органы в сфере образования видят то же самое, иначе невозможно было бы объяснить наличие похожих до степени смешения компетенций в стандартах по всем направлениям юриспруденции (магистратуре и специалитете). Потенциальному российскому работодателю подобная ситуация очевидна, иначе он (работодатель) не воспринимал бы бакалавриат незаконченным высшим образованием. Более того, органы государственной власти также предъявляют требования к государственным должностям степени магистра, хотя совершенно непонятно, зачем нужна степень магистра, если бакалавр уже обладает (по стандарту), например, такими профессиональными компетенциями, как способность участвовать в разработке нормативных правовых актов в соответствии с профилем своей профессиональной деятельности (ПК-1); способность обеспечивать соблюдение законодательства Российской Федерации субъектами права (ПК-3); способность выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения (ПК-10); готовность принимать участие в проведении юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов, в том числе в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (ПК-14).

Характерным для российского юридического высшего образования состоянием, на наш взгляд, является то самое состояние постмодерна, которое Ж.Ф. Лиотар описал еще в работе 1979 г. Невероятно точно указав:

тить, что в отношении трудоустройства юристов в большинстве стран мира с развитым юридическим рынком прослеживается тенденция на снижение количества ставок по юристам в компаниях. В частности, в исследовании EY 2020 г. указывается, что «опрос высокопоставленных корпоративных юристов из 25 стран в рамках исследования “Новый взгляд на юридическую службу” показал, что 82% компаний запланировали сокращение бюджета на юридическую службу в ближайшие два года. В среднем юристы предполагают, что 11% их планового финансирования останется где-то в бухгалтерии. Причем опрос показал, что 13% компаний собираются сэкономить как минимум 16% на юротделе». См.: Ставка на аутсорсинг и урезанный бюджет: как изменится юридическая служба // Юридический журнал LF Академии «Сфера». URL: <https://lfacademy.ru/sphere/post/stavka-na-aoutsorsing-i-urezannyi-byudzhet-kak-izmenitsya-yuridicheskaya-sluzhba> (дата обращения: 07.09.2020).

¹⁵ Согласно вышеприведенному исследованию EY, более четверти своего времени юристы тратят на решение задач, для которых не нужна высокая квалификация; данная тенденция сильнее влияет на крупные департаменты, где сложнее управлять текущими процессами: коллективы, где трудятся более 1 000 человек, рутинные и малоценные задачи отнимают у юристов 32% времени. См.: Ставка на аутсорсинг и урезанный бюджет: как изменится юридическая служба // Юридический журнал LF Академии «Сфера». URL: <https://lfacademy.ru/sphere/post/stavka-na-aoutsorsing-i-urezannyi-byudzhet-kak-izmenitsya-yuridicheskaya-sluzhba> (дата обращения: 07.09.2020).

¹⁶ Особо обратим внимание и на то, что уже сегодня российское государство в системе Госуслуг тестирует суперсервисы, непосредственно связанные с юридической работой, и место юристов в этих суперсервисах очевидно. Подробнее см.: Суперсервисы и цифровая трансформация госуслуг // Официальный сайт Министрства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/854/> (дата обращения: 07.09.2020).

«В контексте утраты легитимности (делегитимации) университеты и институты высшего образования подчиняются отныне требованию формирования компетенции, а не идеалов: столько-то врачей, столько-то преподавателей той или иной дисциплины, столько-то инженеров, столько-то администраторов и т.д. Передача знаний не выглядит более как то, что призвано формировать элиту, способную вести нацию к освобождению, но поставляет системе игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли на практических постах, которые требуются институтам»¹⁷. При этом Ж.Ф. Лиотар прав был и в другом (как мы можем убедиться из приведенных выше примеров и фактов), что во многом студенты гуманитарных специальностей «представляют собой по большей части неучтенных статистикой занятости безработных»¹⁸, это же утверждение абсолютно применимо к студентам российских юридических вузов.

Подводя итог приведенным размышлениям, сформулируем несколько тезисов в отношении не-

обходимости реформирования российского высшего юридического образования уровня бакалавриата:

1. Необходимо пересмотреть базовые федеральные государственные стандарты по высшему юридическому образованию с точки зрения актуального развития психологической науки, когнитивной науки, наук в области анализа информации и метаданных.

2. Крайне важным является пересмотр подхода к корректному делению среднего профессионального образования и высшего образования по юридическому направлению. Главным шагом в разрешении данной проблемы является необходимость в общественном пространстве начать дискуссию о среднем профессиональном образовании как базовом образовании, необходимом современному обществу в гораздо большей степени, чем господствующий коммерческий подход к высшему образованию. Уже сегодня выпускники российских юридических факультетов вузов все с большим трудом находят работу по юридическому профилю.

3. В системе действующего высшего образования должен стать несостоятельным формалистский подход в разработке образовательных стандартов, который наблюдается последнее десятилетие.

¹⁷ Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 2016. С. 118.

¹⁸ Там же. С. 120.

Литература

1. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. 160 с.
2. Лофтус Э. Память: Пронзительные откровения о том, как мы запоминаем и почему забываем / Э. Лофтус. Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 256 с.
3. Лофтус Э. Свидетель защиты: шокирующие доказательства уязвимости наших воспоминаний / Э. Лофтус, К. Кетчем. Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 416 с.
4. Пестерева А. Молодые юристы и экономисты остаются без работы / А. Пестерева // Коммерсантъ FM. 2018. 29 января.
5. Трушин А. Безработный возраст. На рынке труда катастрофически упал спрос на молодых специалистов / А. Трушин // Коммерсантъ. Огонек. 2020. 1 июня.
6. Юдин Г. Почему атака на Европейский университет в Петербурге — катастрофа для российской науки и образования / Г. Юдин // Meduza. 2019. 29 сентября.

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным
или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться
по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

К вопросу о коллизии разграничения понятий «земельный участок» и «земля»

Махиборода Максим Николаевич,
доцент Института Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России)
по кафедре гражданского права и процесса,
кандидат юридических наук
maks-net@yandex.ru

Климанова Дарья Романовна,
студент Института Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России)
dashaklm@yandex.ru

В теории известен такой термин, как правовое регулирование, которое представляет собой процесс воздействия норм права на общественные отношения, вследствие чего порядок взаимодействия между субъектами можно считать упорядоченным и подчиненным определенному своду правил.

Подобное стечение обстоятельств можно было бы считать идеальным, если бы не наличие пробелов в законодательстве, а именно препятствий, в силу которых правовое регулирование общественных отношений становится затруднительным.

Данная проблема возникает по двум причинам: либо в связи с тем, что то или иное общественное отношение не охватывается нормой права, либо на основании того, что одна норма права противоречит другой норме права, то есть вступает с ней в конфликт (коллизия права). Подобное существует во всех отраслях российского права, и земельное право в этом плане не является исключением.

Данное высказывание подлежит безусловному доказыванию, именно поэтому мы обязаны обратиться к доктринальной и нормативной базе.

Рассмотрим имеющуюся коллизию, связанную с неоднозначностью определения понятия «земельный участок», которое содержится в различных нормативно-правовых актах, входящих в состав единой системы земельного законодательства Российской Федерации.

При обращении к теории земельного права, можно заметить неоднократные попытки разграничения понятия «земельный участок» с иной терминологически схожей категорией — «земля». Однако, для того чтобы выделить данное понятие, прежде всего необходимо определить, что именно законодатель заложил в его содержание и смежных с ним дефиниций.

В соответствии с п. 3 ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации¹ (далее — ЗК РФ) земельный

участок — это недвижимая вещь, которая представляет собой часть земельной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи².

Однако стоит отметить, что данное понятие не является первостепенным источником. В одной из предыдущих редакций ЗК РФ, а именно действующей до 24 октября 2008 г., закреплялась следующая формулировка: земельным участком как объектом земельных отношений является часть поверхности земли (в том числе почвенный слой), границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке. Анализ данных определений показывает, что законодатель в новой редакции исключил из понятия земельного участка такой признак, как «почвенный слой». Таким образом, в настоящее время почва не является обязательной составляющей земельного участка.

Попытки дать собственное определение понятию «земельный участок» предпринимались и учеными. Так, В.А. Алексеев понимал под земельным участком часть поверхности Земли в пределах замкнутого контура границ, а также находящиеся в этих границах поверхностный (почвенный) слой, водные объекты, растения и все, что неразрывно связано с поверхностью участка, за исключением зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства и самовольных построек³.

В свою очередь Н.Ю. Чаплин в качестве дополнения к данному определению указывает на использование подобного участка по целевому назначению в соответствии с законом и иными правовыми актами⁴.

² См. также об этом: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ См. подробнее об этом: Алексеев В.А. Понятие земельного участка и его определение в российском законодательстве // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. 2015. № 4. С. 118–125.

⁴ См. подробнее об этом: Чаплин Н.Ю. Понятие и особенности земельного участка как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 155–161.

¹ См.: Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2020) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

Земельный кодекс РФ, в отличие от термина «земельный участок», не раскрывает понятие «земля». Однако его определение можно найти в ГОСТ 2664085 «Земли. Термины и определения», где указано, что земля — это важнейшая часть окружающей природной среды, характеризующаяся пространством, рельефом, климатом, почвенным покровом, растительностью, недрами, водами, являющаяся главным средством производства в сельском и лесном хозяйстве, а также пространственным базисом для размещения предприятий и организаций всех отраслей народного хозяйства⁵.

Если исследовать нормативно-правовые акты, которые регулируют земельные правоотношения, то можно заметить, что термин «земля» понимается в нескольких аспектах. Прежде всего земля — это основа жизни. Также она понимается как составная часть природы. Помимо этого, под «землей» можно иметь в виду объект права собственности. И, наконец, земля является основой деятельности народов, которые проживают на данной территории и используют ее в качестве природного ресурса.

В Земельном же кодексе РФ понятие «земля» имеет несколько значений. Во-первых, это синоним земельного участка, во-вторых — совокупность земельных участков. Последнее можно вывести из того, что в ст. 7 ЗК РФ закреплен перечень категорий земель согласно их целевому назначению.

В ряде случаев, помимо термина «земля», законодателем также используется термин «земли». Так, например в ст. 77 ЗК РФ раскрывается понятие «земли сельскохозяйственного назначения». Здесь видится целесообразным использование законодателем термина «земли» как синонима понятия «земля».

Т.В. Дамбиева рассматривает землю в качестве совокупности земельных участков⁶. Данную позицию поддерживает и А.В. Рябчикова, которая указывает, что земельный участок — индивидуализированный объект, земля — это совокупность земельных участков⁷.

Следует отметить, что в законодательстве понятия «земля» и «земельный участок» зачастую используются как синонимы. Например, в ст. 36 Конституции Российской Федерации предусмотрено право граждан и их объединений иметь землю (а не земельные участки) в частной собственности⁸. Однако по смыслу статьи здесь имеется в виду право на земельные участки как объекты недвижимости.

Таким образом, на основании проведенного анализа законодательства видится обязательным закрепление в ЗК РФ не только понятия «земельный участок», но и «земля», что обусловлено необходимостью однозначного толкования, а также единообразного применения норм права. Следует исходить из следующего понятия: земля — это компонент природной среды, возникший естественным путем и представляющий собой поверхностный слой суши (в том числе почвенный), который расположен над недрами и характеризуется особым органоминеральным составом, границами в пространстве и строением, выполняет функции по обеспечению жизнедеятельности человека и окружающей среды. Вместе с тем само понятие «земельный участок» требует конкретизации. В пункте 3 ст. 6 ЗК РФ следует закрепить следующее определение: «Земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных настоящим Кодексом прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой обособленную составную земную поверхность и имеет установленные характеристики в виде границ и места расположения, позволяющих определить ее в качестве индивидуально определенной вещи». Настоящее понятие позволит конкретизировать существующую в ст. 6 ЗК РФ аналогичную дефиницию, указывая на такие характеристики земельного участка, как обособленность, наличие границ и места расположения. Видится, что предложенные в настоящем исследовании определения помогут устранить имеющиеся в нормативно-правовых актах пробелы, что, в свою очередь, повысит эффективность правового регулирования земельных отношений.

⁵ См. об этом: ГОСТ 26640-85 (СТ СЭВ 4472-84). Государственный стандарт Союза ССР. Земли. Термины и определения (утв. и введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 28 октября 1985 г. № 3453) // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

⁶ См. подробнее об этом: Дамбиева Т.В. Земля как объект права собственности Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 71–75.

⁷ См. об этом: Рябчикова Е.В. К вопросу о понятии земельного участка // Молодой ученый. 2011. № 11. С. 241.

⁸ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

Литература

1. Алексеев В.А. Понятие земельного участка и его определение в российском законодательстве / В.А. Алексеев // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. 2015. № 4. С. 118–125.
2. Дамбиева Т.В. Земля как объект права собственности Российской Федерации / Т.В. Дамбиева // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 71–75.
3. Рябчикова Е.В. К вопросу о понятии земельного участка / Е.В. Рябчикова // Юридический журнал : межвузовский сборник научных статей. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2008. Вып. 5. С. 84–88.
4. Чаплин Н.Ю. Понятие и особенности земельного участка как объекта гражданских прав / Н.Ю. Чаплин // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 155–161.

Способы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних

Гуруев Джамал Кубзарович,
доцент кафедры истории государства и права
Юридического института Дагестанского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
djxxx999@yandex.ru

Ильясова Убайдат Набигуллаевна,
магистрант 2-го курса
Юридического института Дагестанского государственного университета
ilyasova.ubaydat@mail.ru

Права несовершеннолетних лиц должны обеспечиваться исходя из комплексного подхода к самому правовому механизму защиты, где приоритет прав, заложенный в Конституции, должен стать определяющим направлением деятельности для законодательной, судебной и исполнительной властей. Также институт защиты прав несовершеннолетних, рассматриваемый как многоуровневая система, должен представлять собой единый механизм, где на каждом его уровне реализуются свои специфические, но между тем взаимосвязанные функции защиты прав. Проблема защиты детей и юношества от негативного, агрессивного, в некоторой степени аморального влияния информации является одной из актуальных проблем современного информационного законодательства России.

В этой связи необходимо выделить способы обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. Так, в первую очередь выделим такой способ охраны информационной безопасности несовершеннолетних, как классификация информации по определенным возрастным группам.

Согласно Федеральному закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», информация, подлежащая показу в Российской Федерации, должна быть дифференцирована и «отмечена знаком информационной продукции и (или) текстовым предупреждением об ограничении распространения информационной продукции среди детей, не достигших возраста шести лет; достигших возраста шести лет, двенадцати лет, шестнадцати лет»; как «информационная продукция, запрещенная для детей».

Однако данный механизм защиты детей довольно «сложно назвать эффективным». Как отмечает В.А. Гостюнина, «безусловно, классификация информационной продукции по возрастным группам явля-

ется важным шагом по охране прав ребенка. Тем не менее, необходимо констатировать тот факт, что ни родители, ни образовательные учреждения не смогут в полной мере обеспечить контроль за потребляемой детьми информацией»¹.

В этой связи Г.А. Фомченкова считает, что «государство выбрало успешный способ защиты несовершеннолетних от вредной информации, дифференцируя ее по возрастным группам. Однако, чтобы реализовать его в полной мере, утверждения правил со стороны законодателя недостаточно. Родители должны проводить разъяснительную беседу с детьми по поводу безопасного использования интернет-ресурсов. Для облегчения указанной цели целесообразно использование программ родительского или семейного контроля»².

Однако, к сожалению, указанные программы, выступая эффективным средством контроля за деятельностью детей в сети Интернет, не пользуются популярностью у родителей. «Это вызвано различными причинами, в большей степени многие из родителей недостаточно осведомлены о них либо вовсе не знают о существовании подобного функционала»³. В связи с этим, несмотря на классификацию информационной продукции, многое зависит от участия родителя в защите своего ребенка.

В качестве следующего способа защиты детей в сети Интернет следует выделить ведение Единого

¹ Гостюнина В.А. Система доступа в Интернет на основе родительского контроля // ИТпортал. 2016. № 2. С. 3.

² Фомченкова Г.А. Проблема становления института безопасности молодежи: результаты нормативно-правового анализа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 17.

³ Севостьянов Н.А., Щукина В.И. Обеспечение информационной безопасности детей и подростков на основе средств родительского контроля // Информационная безопасность: современная теория и практика. 2019. № 1. С. 126.

реестра доменов, указателей страниц сайтов и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты, содержащие запрещенную к распространению информацию. Посредством данного способа по всей России за 2019 г. «было заблокировано свыше 81 тыс. интернет-ресурсов, с 45 тыс. сайтов противоправная информация удалена».

Следовательно, проведение мониторинга Сети на предмет наличия противоправной информации носит положительный характер и позволяет защитить детей от воздействия любой информации, которая может нанести урон их физическому и психическому развитию.

Нельзя не отметить, что основополагающим способом защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, является привлечение виновных лиц к соответствующей ответственности: административной или уголовной.

Так, Кодекс об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) содержит статьи, предусматривающие ответственность за нарушения в части безопасности детей в интернет-пространстве. Проанализировав их, мы пришли к неоднозначному выводу, что само по себе закрепление ответственности является эффективным инструментом охраны несовершеннолетних. Однако, с другой стороны, исходя из наказания, предусмотренного статьями КоАП РФ за правонарушения данной категории, можно говорить о «мягкой» позиции законодателя.

Например, в п. 1 ст. 6.17 КоАП РФ сказано, что «нарушение требований распространения среди детей информационной продукции, содержащей информацию, причиняющую вред их здоровью и (или) развитию, влечет наложение административного штрафа... на гражданина в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения...».

По нашему мнению, размер наказания в виде административного штрафа в данном случае слишком занижен. И вряд ли после привлечения виновного лица к ответственности в пределах указанной суммы он повторно не нарушит нормы законодательства в данной сфере.

В связи с этим считаем необходимым ужесточить наказание за совершение административного правонарушения по данной категории и изложить вышеуказанную норму в следующей редакции: «в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения».

Особое внимание также следует обратить на такой способ защиты детей, как привлечение к уголовной ответственности лиц, нарушающих информационное законодательство в сети Интернет. Только в Республике Дагестан в 2019 г. совершено 291 такое

правонарушение, в их числе **публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности** — 40, преступления, связанные с террористической деятельностью, — 32, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности — 14, незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, в том числе с изображением несовершеннолетних, — 11, склонение к совершению самоубийства — 2 и т.д.

Остановимся подробнее на самых распространенных составах уголовных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних посредством интернет-связи.

Часто дети в виртуальной среде становятся так называемым «удобным объектом» преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, поскольку ввиду своего возраста они не способны в полной мере оценивать происходящую ситуацию и находятся в состоянии беззащитности, зачастую «умалчивая факт сексуальных домогательств в сетях»⁴. Более того, по мнению В.В. Торговченкова, в различных файлообменниках можно встретить материалы порнографического содержания с участием несовершеннолетних, по которым не представляется возможным установить потерпевшего ребенка и виновное лицо⁵.

Также в последнее время увеличилось количество преступлений, побуждающих несовершеннолетних к совершению насилия в отношении людей и животных. По мнению Д.И. Ережипалиева, в условиях современной действительности информация подобного характера в сети Интернет встречается на каждом шагу: видеоматериалы, фильмы, компьютерные игры, к которым ребенок получает свободный доступ без соответствующего контроля. Это могут быть компьютерные игры, за которыми дети проводят огромное количество времени, «убивая персонажей», в целях достижения нового уровня, или показ фильмов, где подростки совершают насильственные действия, которым дети впоследствии начинают подражать⁶.

В этой связи следует отметить ужасающее событие, произошедшее двадцать лет назад в школе «Колумбайн» (штат Колорадо, США), которое по сей день напоминает о себе. Двое учеников, подвергавшихся длительное время издевательствам со стороны свер-

⁴ Шарапов Р.Д., Дидрих М.П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6. С. 46.

⁵ Торговченков В.В. Проблемы латентности и квалификация преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Законность. 2014. № 4. С. 14.

⁶ Ережипалиев Д.И. Законодательство России о защите детей от насилия и суицидов: состояние, проблемы и пути совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика, 2018. № 8. С. 18.

стников, расстреляли 12 учеников и одного учителя, при этом ранив более двадцати школьников. На основе данного случая снято более десятков фильмов, однако не обошлось и без подростков, желающих повторить действия своих «героев».

Так, 17 октября 2018 г. в городе Керчи студент 4-го курса Владислав Росляков совершил **массовое убийство в политехническом колледже**, расстреляв 21 студента. Впоследствии правоохранительные органы выяснили, что подросток в течение определенного времени готовился к совершению данного действия, воодушевившись поступком двух школьников из далеких 90-х гг. XX в.

Как мы отметили ранее, были сняты и фильмы, к примеру «Нулевой день» 2003 г. Однако информация, содержащаяся в свободном доступе, показ фильмов демонстрируют и отрицательную тенденцию, приводят к возникновению подражателей. Хотя изначально имеют целью поднять проблему в обществе для ее разрешения.

В связи с этим очень важна работа не только сотрудников правоохранительных органов по выявлению подобного контента в сети Интернет, но и родителей, которые должны немедленно реагировать на любые изменения в поведении подростков, которые ранее им были не свойственны.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что сложившаяся ситуация во многом обусловлена отсутствием комплексной системы контроля за поведением ребенка, а также несовершенством федерального законодательства⁷.

Представляется необходимой разработка комплексных мер защиты детей в рассматриваемой сфере, в том числе действенных механизмов обеспечения безопасности детей в социальных сетях: блокирование на аккаунтах несовершеннолетних поисковых запросов и возможности вступления в сообщества, содержащие нежелательный контент⁸.

Для эффективной реализации закрепленных положений необходимо формирование информационно-правовой культуры несовершеннолетних, под которой следует понимать интегративное качество личности, характеризующееся определенным уровнем сформированности правовых и этических знаний, умений, навыков, и их реализацию в процессе информационной деятельности.

⁷ Рыдченко К.Д. Государственная система защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 27.

⁸ Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 15.

Литература

1. Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке / А.И. Бастрыкин // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 5–12.
2. Бронников Р.И. Знаки информационной продукции не спасут детей / Р.И. Бронников // эж-ЮРИСТ. 2015. № 43. С. 57.
3. Гостюнина В.А. Система доступа в Интернет на основе родительского контроля / В.А. Гостюнина // ИТпортал. 2016. № 2. С. 3.
4. Ережипалиев Д.И. Законодательство России о защите детей от насилия и суицидов: состояние, проблемы и пути совершенствования / Д.И. Ережипалиев // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 70–76.
5. Рыдченко К.Д. Государственная система защиты несовершеннолетних от воздействия вредоносной информации : монография / К.Д. Рыдченко. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 270 с.
6. Севостьянов Н.А. Обеспечение информационной безопасности детей и подростков на основе средств родительского контроля / Н.А. Севостьянов, В.И. Щукина // Информационная безопасность: современная теория и практика : материалы II Межвузовской научно-практической конференции (г. Омск, 13 сентября 2019 г.) : сборник научных трудов студентов, аспирантов и преподавателей / ответственный редактор З.В. Семенова. Омск : Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2019. С. 122–126.
7. Симченко А.П. Родительский контроль использования детьми сети Интернет / А.П. Симченко // Лучшая научная статья 2017 : сборник статей победителей VI Международного научно-практического конкурса (г. Пенза, 25 февраля 2017 г.) / ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. Пенза : Наука и просвещение, 2017. С. 260–263.
8. Торговченков В.В. Проблемы латентности и квалификация преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / В.В. Торговченков // Законность. 2014. № 4 (954). С. 7–10.
9. Фомченкова Г.А. Проблема становления института безопасности молодежи: результаты нормативно-правового анализа / Г.А. Фомченкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. С. 77–79.
10. Шарапов Р.Д. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет / Р.Д. Шарапов, М.П. Дидрих // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 6. С. 81–90.

Баланс интересов как основополагающая идея российского гражданского законодательства

Борисов Борис Андреевич,
студент 3-го курса
Юридического факультета
Южного федерального университета (ЮФУ)
sic.borisout@gmail.com

Актуальность поставленной проблемы обусловлена формальной неопределенностью места баланса интересов в системе базисных положений гражданской отрасли. Среди основных начал гражданского законодательства данная категория напрямую не выделяется, но в ст. 1 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) закрепляется принцип признания равенства участников гражданско-правовых отношений как смежная, но не однопорядковая категория.

Существующая неопределенность порождает сложности в восприятии целей гражданского законодательства: действительно ли правовое регулирование разнообразных сфер общественной жизни стремится к «балансированию» потребностей различных сторон?

Целью работы является изучение категории баланса интересов и ее места в национальном гражданском законодательстве.

Для того чтобы дать верную дефиницию данной категории, следует рассмотреть понятия «баланс» и «интерес» с правовой и экономической точек зрения, так как гражданские правоотношения носят в первую очередь имущественный характер. Баланс (от фр. *balance* — весы), согласно словарю Ожегова, — соотношение взаимно связанных показателей какого либо процесса. Термин «интерес» (от лат. *interest* — имеет значение, важно), в соответствии со словарем Даля, — то, что составляет благо для кого-либо. С лингвистической точки зрения баланс интересов есть определенное соотношение благ. В правовом смысле данная категория представляет собой соразмерность субъективных прав и обязанностей сторон, экономически же — равная возможность удовлетворения имущественных и иных потребностей сторон.

Однако на современном этапе развития гражданского законодательства категория баланса интересов отошла на второй план, уступив место вопросам конфликта интересов. Из этого и вытекает большинство недостатков законодательного регулирования

баланса интересов. Сложившаяся ситуация вполне логична: конфликт интересов — базовая ситуация повседневного гражданского оборота, которая представляется наиболее прогнозируемой и нуждающейся в регулировании. Баланс интересов же является таким положением сторон в правоотношении, которое создается законодателем искусственно и вне правовой сферы не существует. Поэтому вполне понятно, что что-то «насущное» и «реальное» — как конфликт интересов — представляется законодателю более важной категорией, нежели абстрактная ситуация баланса этих же самых интересов. Однако вышесказанное не является примером позитивной законодательной деятельности.

Стоит отметить, что и сама категория «конфликта интересов» так и не была закреплена в ГК РФ напрямую. Данное обстоятельство подвергается критике в научной литературе: Е.А. Храпунова отмечает следующее: «ГК РФ не хватает понятия конфликта интересов, которое, как ни парадоксально, есть в других нормативных актах»¹. Тем не менее данная проблема напрямую не связана с рассматриваемой нами темой.

Мы видим, что ключевой характеристикой баланса интересов в гражданском праве является соотношение субъективных прав и обязанностей сторон, выраженных в равной возможности в реализации своих потребностей, обусловленных договорными обязательствами. Его содержание заключается в двух аспектах: в наличии указанных субъективных прав и обязанностей и в фактической возможности их реализации. Признание баланса интересов служит уравниванию гражданских правоотношений, защите слабой стороны и недопущению превалярования интересов одной стороны над интересами другой.

¹ Храпунова Е.А. Некоторые проблемы правового регулирования сделок корпораций с заинтересованностью в свете реформы гражданского законодательства РФ // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 4. С. 188–190.

Еще М.И. Брагинский и В.В. Витрянский выделяли одну из важнейших задач гражданского права, состоящую «в *выравнивании* участников имущественного оборота путем установления для слабой стороны обязательства изначально иных условий участия в договорных отношениях», ведь в ином случае «*сильная сторона в обязательстве полностью подчинит своей воле слабую сторону*»². С этой точки зрения главной чертой баланса интересов является соблюдение принципа защиты слабой стороны правоотношения.

Поскольку напрямую баланс интересов действующим гражданским законодательством не обозначен, а лишь вытекает из методов и средств правового регулирования, следует обратиться к судебной практике.

Для начала изучим Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Так, п. 3 рассматриваемого постановления устанавливает баланс интересов в качестве критерия, определяющего толкования нормы с точки зрения обязательности ее исполнения для участников гражданского оборота. Если в результате диспозитивности нормы ее положения нарушают состояние баланса интересов, данная норма диспозитивной быть не может и обязана применяться в императивном ключе.

Однако баланс интересов анализируется в вышеуказанном Постановлении не только с позиции конкретного договорного обязательства, но и на основе совокупности всех существующих гражданско-правовых отношений между сторонами. Согласно абз. 2 п. 10 Постановления именно данная совокупность правоотношений должна анализироваться судами при оценке того, нарушается ли баланс интересов между сторонами.

Таким образом, баланс интересов раскрывается с двух сторон. Во-первых, он воспринимается законодателем в качестве идеальной модели правоотношений, одной из важнейших целей гражданского законодательства. Во-вторых, баланс интересов пронизывает многие сферы гражданского права, являясь одной из его основных идей.

Конституционный Суд РФ также неоднократно обращал внимание на некоторые проблемные аспекты баланса интересов. Исходя из Постановления КС РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П баланс интересов предполагает одновременно и возможность защиты приоритетных потребностей сторон³. Такие механизмы защиты ос-

новываются на основополагающих конституционных ценностях нашего государства. Так, при коллизии законных интересов двух сторон баланс проявляется в соразмерной (пропорциональной) защите обеих сторон на основе баланса конституционных ценностей.

Исходя из всего вышесказанного, баланс интересов представляется прежде всего косвенно закрепленным принципом права, который распространяется на всех участников гражданских отношений. Некоторые авторы выделяют баланс в качестве свойства правоотношения⁴, однако данная позиция кажется необоснованной. Прежде всего стремление к равновесию противоположных интересов является основополагающей чертой практически всех отношений, лежащих в пределах правового регулирования. Будь то взаимодействие между государственными органами и осужденным/обвиняемым лицом в уголовном процессе, между налоговыми органами и налогоплательщиками в праве финансовом — в основе способов урегулирования конфликтов в любом демократическом государстве всегда лежит стремление защитить интересы обеих сторон. Данное стремление лежит куда глубже, нежели формально признанная правом характеристика взаимодействия сторон, т.е. свойство правоотношения. Необходимо говорить о направленности всей правовой системы на обеспечение эффективного регулирования неизбежных споров путем предоставления соразмерных возможностей всем правовым субъектам и наложения пропорциональных ограничений. Поэтому баланс интересов необходимо рассматривать как общеправовой принцип гражданской отрасли. Используя термин «свойство правоотношения», мы заменяем сущность явления его родовой характеристикой.

Для того чтобы понять, какие формы установления баланса интересов использует законодатель, необходимо проанализировать конкретные примеры регулирования договорных отношений.

Первая форма заключается в необходимости уравновешения двух экономически неравных субъектов гражданского оборота. Наиболее наглядный пример в данном случае — правоотношения, возникающие между потребителем и продавцом в договоре купли-продажи. Очевидно, что потребитель является наименее экономически защищенной стороной, ущерб которой от неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства продавцом становится куда более ощутимым, чем при прочих равных условиях для другой стороны. Именно поэтому законодателем предусмотрен отдельный нормативно-правовой акт,

² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М.: Статут, 1999. С. 793.

³ Пункт 2.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шкинова.

⁴ Пьянкова А.Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (24). С. 117–130.

наделяющий потребителя особыми правами, способными уравновесить ситуацию, — Закон РФ «О защите прав потребителей».

При сравнении прав потребителя и покупателя, приобретающего товар не для личного пользования, при передаче продавцом товара ненадлежащего качества мы увидим куда больший перечень прав именно у потребителя. Например, исключительно потребитель наделяется безусловной возможностью отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы⁵ в случае передачи товара ненадлежащего качества.

Вторая форма установления баланса интересов — невозможность на договорном уровне закрепить такие положения, которые пусть и не запрещены законом напрямую, но содержат в себе существенное ущемление прав и интересов одной из сторон. Такие условия могут включаться в договорные правоотношения волей наиболее сильной стороны. Подобная ситуация была рассмотрена Пленумом ВАС РФ⁶: договор купли-продажи не может предусматривать полного исключения права покупателя, данное ему п. 1 ст. 463 ГК РФ, отказаться от исполнения договора купли-продажи в случае, если продавец отказывается передать покупателю проданный товар, пусть закон и не предусматривает явного запрета предусмотреть договором иное, ведь это может привести к нарушению баланса интересов сторон.

Баланс интересов предусматривает определенные механизмы компенсации различий в правовом статусе некоторых субъектов правоотношений, что представляется третьей формой установления баланса интересов. Гражданский оборот является слишком многоуровневым и сложным процессом для полного равенства всех возможных прав различных участников, и порой разница в правах субъектов оборота является объективно обусловленной и неизбежной. Так, согласно п. 1 ст. 618 ГК РФ досрочное расторжение договора аренды влечет и расторжение заключенного в соответствии с ним договора субаренды. Субарендатор в таком случае остается незащищенной стороной, который независимо от своей воли способен потерять необходимые для него экономические блага, получаемые в связи с договором субаренды. Однако законодатель предусматривает интересную модель подмены субарендодателя непосредственным арендодателем, т.е. собственником имущества либо иным лицом, уполномоченным на сдачу в аренду объекта собственности. Так, субарендатор в случае досрочного расторжения договора аренды в соответствии

с п. 1 ст. 618 ГК РФ имеет право на заключение с ним договора аренды на имущество, находившееся в его пользовании в соответствии с договором субаренды, в пределах оставшегося срока субаренды на условиях, соответствующих условиям прекращенного договора аренды. В данном конкретном случае законодатель прекрасно справляется с задачей обеспечения баланса интересов сторон.

Однако в некоторых сферах договорных отношений принцип баланса интересов не соблюдается либо соблюдается лишь в определенной части.

Следует заметить, что принцип соблюдения баланса интересов и стремление к равновесию возможностей удовлетворения своих потребностей различными сторонами не является безусловным и в целом ряде случаев сознательно нарушается законодателем. Однако данные нарушения носят точечный характер и обусловлены стремлением защитить объективно более значимые права субъектов гражданского оборота.

Среди подобных положений явно выделяются преимущественные права: положения статьи 250 ГК РФ предусматривают особый порядок продажи доли в праве общей собственности, наделяющий остальных участников долевой собственности преимущественным правом покупки продаваемой доли. В данном случае очевидно нарушение принципа равенства и, вследствие этого, нарушение баланса между интересами субъектов, наделенных преимущественным правом, и неопределенного круга лиц, потенциально имеющих экономическую возможность совершить покупку, но в силу предоставления специального преимущественного права собственникам долевой собственности данную покупку совершить не в состоянии. Однако законодатель сознательно идет на подобные шаги для защиты интересов участников общей долевой собственности и возможного недопущения третьих лиц к владению, пользованию и распоряжению общим имуществом⁷. Сложившийся дисбаланс приводит к упорядочиванию гражданского оборота в сфере распоряжения долями в праве общей собственности, а также к стабилизации правоотношений между участниками рынка, поскольку закон заранее предупреждает пагубные тенденции недобросовестных субъектов, что является более важным элементом функционирования правовых норм, нежели всеобщее безусловное юридическое равенство.

Порой баланс интересов может быть нарушен из-за изменений в положении сторон на различных этапах договорных обязательств, что ведет к необходимости нового уравновешивания их позиций. Так, до момента

⁵ Абзац 5 п. 1 ст. 18 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».

⁶ Абзац 5 п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

⁷ Заливкин К.Ю. Преимущественные права в российском гражданском праве: история, тенденции развития, современное состояние // Право и политика. 2016. № 2. С. 198–203.

получения заемщиком денежных средств он является более слабой стороной, и, следовательно, законодатель устанавливает приоритет охраны его интересов рядом норм. Например, возможности одностороннего отказа от исполнения договора займа у сторон существенно разнятся. Если заимодавец, согласно абз. 1 п. 3 ст. 807 ГК РФ, вправе отказаться от исполнения договора полностью или частично при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленный заем не будет возвращен в срок, то заемщик, в соответствии с абз. 2 п. 3 указанной статьи, имеет безусловное право одностороннего отказа, «уведомив об этом займодавца до установленного договором срока передачи предмета займа». Однако после передачи предмета займа позиция рассматриваемых участников гражданского оборота существенно меняется: заемщик становится сильной и экономически независимой стороной сделки, а заимодавец — более слабой. Об этом можно судить и по логике законодателя: согласно п. 3 ст. 810 ГК РФ моментом возвращения предмета займа (в случае банковского перевода) считается момент поступления соответствующей суммы денежных средств в банк, в котором открыт банковский счет займодавца. В таком случае проценты за пользование займом будут начисляться заемщику не до фактического отчуждения предмета займа в пользу заимодавца, а именно до поступления предмета займа в распоряжение заимодавца, что как раз и способствует надлежащему удовлетворению его интересов. Аналогичный механизм защиты слабой стороны используется законодателем в налоговом праве, где налогоплательщик представляется слабой стороной во взаимодействии с налоговыми органами: согласно п. 3 ст. 45 Налогового кодекса РФ обязанность по уплате налога считается исполненной налогоплательщиком в большинстве случаев с момента отчуждения денежных средств в пользу государства.

Очень важно отметить следующий аспект в контексте вышесказанного: порой законодатель, стремясь к формальному соблюдению баланса интересов, создает избыточный вес у слабой стороны на различных этапах развития договорного обязательства, что может приводить к негативному правовому регулированию некоторых обязательственных конструкций, которые будут рассмотрены позже.

Возможно, законодатель не совсем верно определяет баланс интересов: он понимает, что данная категория является определяющей и необходимой для гражданского оборота, но стремится к ней, презюмируя статичное положение в плане расстановки сил в правоотношении. В таком случае упускается важнейшая деталь: отношения обязательственного характера динамичны. Почему важно это понимать?

На различных этапах развития конкретного правоотношения гражданско-правовые нормы должны то придавать определенной стороне избыточный вес, то исключать его. В большинстве случаев наиболее логичным представляется усиление слабой стороны исключительно на этапе заключения договора с целью недопущения навязывания ей невыгодных условий.

Наиболее явно подобные законодательные недочеты можно обнаружить, например, в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который в некоторых аспектах чрезмерно связывает заказчика. Важно понимать, что баланс интересов должен соблюдаться не только между заказчиком и поставщиком, но и между заказчиком — юридическим лицом, действующим в интересах государства, и непосредственно самим государством.

При определении поставщиков ст. 24 указанного федерального закона обязывает заказчика выбирать поставщика, основываясь в первую очередь на экономии государственных денежных средств. Например, ч. 3 ст. 24 определяет победителем конкурса участника закупки, предложившего лучшие условия исполнения контракта, а ч. 4 той же статьи устанавливает в качестве победителя аукциона участника закупки, предложившего наиболее низкую цену контракта, наименьшую сумму цен единиц товаров, работ, услуг. Заказчик представляется стороной, которой необходима защита в целях обеспечения государственных интересов и недопущения чрезмерного расходования ресурсов. Несмотря на это, законодательство фактически не защищает заказчика — сужает его свободу и рассматривает соотношение интересов заказчика и государства исключительно как статичное, придавая потребностям последнего избыточный вес как на стадии заключения, так и на стадии расторжения договора. Например, решение об одностороннем отказе от исполнения обязательства со стороны заказчика вступает в силу только через 10 дней с даты надлежащего уведомления заказчиком поставщика, если поставщик не устранил нарушение условий контракта, пусть даже данный срок может быть критически важен для заказчика.

Соблюдены ли в рассматриваемом случае интересы государства по экономии как можно большего количества денежных средств? Безусловно. Однако присутствуют ли необходимые механизмы фиксации предмета договора, позволяющие избежать неподходящего, но, тем не менее, надлежащего качества результата правового взаимодействия заказчика и исполнителя? К сожалению, нет. Складывается следующая ситуация: интересы государства получают

избыточный вес в двух главных элементах договора (выборе поставщика и цены) и придают рассматриваемой договорной конструкции черты дисбаланса.

Таким образом, соблюдение баланса интересов действительно является базисным элементом функционирования современного гражданско-правового оборота. Законодателем предусматривается множество форм и механизмов его реализации, которые в большей или в меньшей степени отвечают целям гражданского законодательства. Следует понимать, что в некоторых сферах (например, в рискованных договорах) баланс интересов и вовсе недостижим.

Учитывая все рассмотренные преимущества законодательной техники в сфере применения баланса интересов, некоторые аспекты законодательства нуждаются в корректировках.

Во-первых, не только гражданское, но и конституционное право нуждается в прямом закреплении баланса интересов в качестве основополагающего принципа. Это позволило бы сделать куда более очевидными действительные цели правового регулирования некоторых сфер общественной жизни для правоприменителя. Легальное закрепление уже существующей практики заложило бы еще более крепкий фундамент для дальнейшего реформирования отрасли гражданского права.

Во-вторых, формальное закрепление дефиниции баланса интересов позволило бы законодателю яснее осознать для себя ее действительную сущность в контексте динамики обязательственного права.

В-третьих, законодательная техника до сих пор не выработала четкой правовой позиции в отношении баланса интересов. Например, в сфере страхования некоторые механизмы обеспечения баланса интересов банальным образом не работают либо и вовсе отсутствуют. Так, некоторые авторы выделяют неэффективность существования неустойки за несвоевременную выплату страхового возмещения страховщиком, который, затягивая осуществление страховой выплаты страхователю, может получать выгоду от использования подлежащих выплате денежных средств, в то время как в большинстве случаев страхователь — физическое лицо скорее всего не станет обращаться в суд с требованием применить санкции за ненадлежащее исполнение договорного обязательства по выплате страхового возмещения, так как обращение в суд связано с дополнительными материальными и временными издержками⁸.

⁸ Каширин И.О. Некоторые вопросы защиты слабой стороны в договорах страхования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. №3 (86). 2012. С. 149–154.

Литература

1. Брагинский М.И. Договорное право. Кн. 1. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 1999. 848 с.
2. Заливкин К.Ю. Преимущественные права в российском гражданском праве: история, тенденции развития, современное состояние / К.Ю. Заливкин // Право и политика. 2016. № 2. С. 198–203.
3. Каширин И.О. Некоторые вопросы защиты слабой стороны в договорах страхования / И.О. Каширин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3 (86). С. 149–154.
4. Пьянкова А.Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России / А.Ф. Пьянкова // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (24). С. 117–130.
5. Храпунова Е.А. Некоторые проблемы правового регулирования сделок корпораций с заинтересованностью в свете реформы гражданского законодательства РФ / Е.А. Храпунова // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 188–190.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Права человека в пользовании землей: соотношение и преимущества права аренды и права собственности

Постнова Дарья Игоревна,
студент 4-го курса Московского финансово-юридического университета
(Орский филиал)
cat-dasha@mail.ru

В российском законодательстве земля представлена в двух категориях: как природный ресурс, так и земельный участок. К категории «земельный участок», который является недвижимым имуществом, относится право собственности. В настоящее время граждане могут как купить, получить бесплатно, так и взять в аренду участок земли. Право частной собственности является одной из основ конституционного строя Российской Федерации и составляет основу рыночной экономики.

Документы, которые устанавливают его территориальные границы, выдаются территориальными органами Федеральной службы государственной регистрации, также кадастра и картографии.

Согласно ст. 36 Конституции РФ, «граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю». В соответствии со ст. 9, «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности»¹.

Среди изменений в Конституцию РФ, вынесенных на общероссийское голосование, были те, которые коснулись не только верхнего уровня власти, но и власти «на земле» — местного самоуправления.

Изменения прежде всего затрагивают политическую систему, а именно структуру органов власти, их полномочий, порядка формирования и взаимоотношений между собой, особенностей коммуникации внутри властной системы.

Статья 132 Конституции дополнена ч. 3, предусматривающей, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»².

Данная поправка о вхождении органов МСУ и органов государственной власти является лишь развитием базовой конституционной нормы, которая свидетельствует о том, что суверенный народ Российской Федерации осуществляет свою власть непосредственно,

а также через органы государственной власти и органы МСУ (ч. 2 ст. 3 Конституции).

Земельные правоотношения — это общественные отношения, которые складываются между органами власти, организациями и частными лицами по поводу распределения, использования и охраны земель и которые регулируются нормами земельного права³.

Земельные участки оформляют как физические, так и юридические лица, под разное назначение, к примеру, под индивидуальное жилищное строительство, под жилые дома, личное подсобное хозяйство, под размещение линейных объектов, под объекты хозяйственного и оперативного управления.

Права на землю (право собственности на земельный участок, право постоянного (бессрочного) пользования, право пожизненного наследуемого владения, право ограниченного пользования чужими земельными участками (сервитут), право аренды и право безвозмездного срочного пользования) возникают по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством для возникновения имущественных прав.

Регистрация прав на земельный участок помогает избежать санкций, однако имеет свои трудности в оформлении. Статья 129 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) регулирует возникновение и прекращение права на земельные участки; земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах⁴.

Право на земельный участок возникает из акта государственного органа или органа местного самоуправления, наделенных полномочиями предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности.

Из судебного решения, которое устанавливает гражданские права и обязанности, также возможно возникновение права на земельный участок. Если из материалов и доказательств, представленных суду, следует, что это право принадлежало (либо принад-

¹ Конституция Российской Федерации (с изм., вынесенными на общероссийское голосование). М. : АСТ, 2020. 64 с.

² Там же.

³ Боголюбов С.А. Земельное право. М. : Проспект, 2018. 376 с.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/>

лежит) лицу на каком-либо основании, то права на земельный участок могут быть признаны судом.

Право и на земельный участок возникает в том числе и в результате покупки, получения в дар, наследования дома.

Строение и земельный участок неразрывно связаны между собой, кроме того, находятся в равных долях для всех собственников. Не может быть такого, что дом числится на одном человеке, а земля на другом. О «единстве судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов» говорится в Земельном кодексе РФ.

Из числа вещных прав, объектами которых выступают земельные участки, выделяются⁵:

— право собственности (индивидуальная, государственная, муниципальная) на земельный участок, которое возникает в результате приобретения права у другого собственника (сделки отчуждения, мены, дарения и т.д.), таким образом, при помощи образования нового участка и дальнейшего оформления его в собственность;

— права пользования (аренда, бессрочное пользование, оперативное управление и т.д.);

— право бессрочного пользования землей, которая располагается в федеральной или муниципальной собственности, а также предоставляется отдельным категориям юридических лиц (общественным органам власти; бюджетным, казенным и автономным учреждениям всех уровней); казенным предприятиям. Появляется во взаимосвязи с решением уполномоченного органа власти. Право бессрочного пользования, ранее оформленное на физических лиц, действие свое сохраняет, однако такое право не может быть предоставлено гражданам.

Возможность ограниченного пользования (сервитут) образуется из условий сделки, а также исходя из нормативного акта публичного органа власти, либо связана с особым правовым статусом земельного участка;

— иные права пользования (аренда и т.д.). Возникают из совершения юридически значимых действий (заключение договора, издание нормативного акта органа власти).

Гражданским законодательством установлено, что содержание права собственности распространяется на любые объекты гражданских прав, в том числе земельные участки, согласно ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом⁶.

Под обладанием земельным участком как своим подразумевается владение, например, для юридического лица — возможность числить его на своем балансе.

Возможность извлекать из него полезные свойства — размещать на нем постройки и сооружения, выращивать сельскохозяйственную продукцию и т.д., это и является использованием земель.

Распоряжение заключается в возможности для собственника определять юридическую судьбу земельного участка. Собственник может отчуждать земельный участок в собственность иным лицам (дарить, продавать, обменивать, завещать, передавать в качестве взноса в уставный капитал коммерческих организаций и т.д.), а также передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения участком, отдавать его в залог и т.д.

Предоставление земельных участков может быть как в собственность, на основании заключения договора купли-продажи, постановления, а также и в аренду, основанием чего является договор аренды. Пустые земельные участки под строительство предоставляются через аукцион.

Земельные участки могут оформляться в собственность, как бесплатно, так и за плату. Бесплатно могут оформить свой земельный участок те, кто имеет право собственности на дом до введения в действия Земельного кодекса, то есть до 25 октября 2001 г.

Земельный участок, который прошел межевание, то есть имеет границы и поставлен на кадастровый учет, может быть объектом купли-продажи.

Цена за земельный участок, который находится в государственной и муниципальной собственности, устанавливается в определенном порядке — Правительством Российской Федерации, органами государственной власти субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления⁷.

Согласно постановлению правительства Оренбургской области, цена земельного участка может определяться в размере 60 и 5% от кадастровой стоимости земельного участка⁸.

За 5% от кадастровой стоимости земельного участка могут выкупить пенсионеры, инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, а также граждане, имеющие трех и более детей, ветераны.

Предоставляется однократно данная возможность на получение льготы.

За 60% от кадастровой стоимости могут выкупить свой земельный участок все остальные граждане.

Не может быть заключен договор купли-продажи земельного участка, если отсутствуют документы на дом, то есть не зарегистрировано право собственности на здание.

В настоящее время зарегистрировать право на земельный участок без документов на дом сложно, этот процесс должен пройти через суд, путем признания права собственности на самовольно возведенное строение.

⁷ Конституция Российской Федерации (с изм., вынесенными на общероссийское голосование). М. : АСТ, 2020. 64 с.

⁸ Постановление правительства Оренбургской области от 21 сентября 2015 г. № 727-п «Об утверждении порядка определения цены земельных участков, находящихся в государственной собственности Оренбургской области, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, на территории Оренбургской области при заключении договора купли-продажи земельных участков без проведения торгов».

⁵ Болтанова Е.С. Земельное право. М. : РИОР, 2019. 387 с.

⁶ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

Таблица

Вид права	Плюсы	Минусы
Аренда земельного участка	1) земельный участок может сдаваться в субаренду, при уведомлении органов муниципальной власти; 2) цена аренды, как правило, существенно ниже цены приобретения прав собственности; 3) имеющиеся на территории природные блага могут свободно использоваться арендаторами; 4) в любое время можно расторгнуть договор; 5) земельный участок без права собственности на него меньше пользуется спросом, и тем самым цена на него ниже	1) не проводится государственная регистрация договора аренды при заключении сроком до 1 года; 2) возможно непродление договора аренды на определенный срок
Собственность земельного участка	1) земельный участок находится в частной собственности; 2) цена при продаже выше; 3) договор купли-продажи подлежит государственной регистрации; 4) можно пользоваться всеми правами собственника на земельный участок — продавать, сдавать в аренду частично или полностью	1) уплата земельного налога; 2) порой высокая цена выкупа земельного участка

Предоставление земельного участка в аренду возможно как через торги, так и без них. На торгах предоставляются пустые участки земли.

При аренде земельного участка заключается договор аренды, в котором прописаны данные арендатора и арендодателя, адрес земельного участка, кадастровый номер, срок действия договора, также указываются права и обязанности арендодателя и арендатора.

Государственная регистрация — единственное доказательство существования зарегистрированного права⁹. Зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке. Договоры аренды свыше одного года подлежат государственной регистрации.

Аренда земельных участков имеет свои сроки предоставления:

1. Под строительство предоставляется до 3 лет, под объекты незавершенного строительства (для завершения строительства) срок может продляться еще до трех лет. После построения и регистрации здания возможен выкуп либо долгосрочная аренда.

2. Под жилые дома предоставляется аренда на 49 лет.

3. Предоставление земельных участков для сенокосения, выпаса сельскохозяйственных животных осуществляется на срок в 3 года.

4. На срок, не превышающий срока действия договора аренды земельного участка, являющийся исходным.

Сроки для предоставления земельного участка в собственность либо в аренду одинаковые. Сам процесс подготовки для сдачи документов аналогичный.

Этапы предоставления земельного участка:

1. Межевание земельного участка.

2. Утверждение схемы земельного участка.

3. Постановка на кадастровый учет.

4. Подача заявления на собственность либо на аренду.

5. Подписание договора и регистрация в многофункциональном центре (МФЦ).

Существуют свои минусы и плюсы оформления земельного участка в собственность либо в аренду для граждан, они отражены в таблице.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что как в собственность, так и в аренду осуществляется предоставление земельных участков.

Непреренно наилучшим для граждан является предоставление земельного участка в собственность. Тем самым человек единожды выкупает свой земельный участок, а дальше платит только земельный налог.

При заключении договора аренды на земельный участок меняются и условия, так как здесь платится арендная плата, которая каждый год меняется на процент инфляции.

Помимо этого, в наше время граждане чаще оформляют земельные участки в аренду, так как процент выкупа большой, а льготы отсутствуют либо отсутствует кадастровая стоимость на земельный участок.

Права на земельный участок возникают с момента регистрации соответствующих прав на него, если иное не установлено законом.

Оформление земельного участка необходимо, для того чтобы избежать штрафа за неоформление земельного участка, неосновательное обогащение.

Тем самым на правах аренды арендатор способен владеть и пользоваться земельным участком, а на праве собственности владеть, пользоваться и распоряжаться им.

⁹ Веденин Н.Н. Земельное право. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2017. 192 с.

Литература

1. Болтанова Е. С. Земельное право / Е.С. Болтанова. Москва : РИОР, 2019. 387 с.
2. Веденин Н.Н. Земельное право / Н.Н. Веденин. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юриспруденция, 2017. 192 с.
3. Земельное право / под ред. С.А. Боголюбова. Москва : Проспект, 2018. 376 с.

Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 октября 2020 г.)

Права потребителей являются неотъемлемой составляющей общих прав человека, а их охрана — одним из приоритетных направлений государственной политики.

Законодательство в данной сфере отношений постоянно совершенствуется, появляются новые механизмы правовой защиты. В частности, с 2018 по 2019 год введен институт финансового уполномоченного, расширены возможности выбора способа и формы подачи обращений потребителей по поводу нарушений их прав в уполномоченные органы власти и органы местного самоуправления.

Вместе с тем количество дел по спорам о защите прав потребителей остается неизменно высоким, что свидетельствует о востребованности судебной формы их защиты.

Обеспечение должного уровня такой защиты является важной задачей правосудия, выполнению которой способствует работа над качеством принимаемых судами решений, однозначностью толкования и применения норм права.

Продолжение обобщения судебной практики обозначено в качестве одного из приоритетных направлений реализации целей Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2017 г. № 1837-р.

Настоящий Обзор освещает наиболее актуальные вопросы, возникшие в практике судов в 2018–2020 годах, и подготовлен с целью дальнейшего формирования единства судебной практики и обеспечения единообразия в толковании норм права при рассмотрении дел по спорам о защите прав потребителей.

Разрешение споров, возникающих из договоров купли-продажи товаров

1. Требование потребителя о возврате технически сложного товара, в котором по истечении пятнадцати дней со дня его передачи потребителю выявлен производственный недостаток, подлежит удовлетворению, если будет установлено, что данный недостаток является существенным.

Полномочия организации (индивидуального предпринимателя) на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товаров ненадлежащего качества должны быть предусмотрены договором, заключенным этой организацией (индивидуальным предпринимателем) с изготовителем (продавцом).

Затраты, понесенные потребителем на оплату услуг представителя общества по защите прав потребителей для представления его интересов в суде, не могут рассматриваться в качестве затрат, необходимых для доступа к правосудию, и не подлежат возмещению в качестве судебных расходов.

Общественная организация по защите прав потребителей¹ обратилась в суд в защиту интересов Г. с иском к обществу «Н.» о взыскании стоимости некачественного товара, неустойки, убытков, компенсации морального вреда, штрафа, а также судебных расходов.

Судом установлено, что Г. приобрел по договору купли-продажи у общества «М.» холодильник, в котором

в течение гарантийного срока проявился недостаток: холодильник самопроизвольно выключался.

Удовлетворяя искивые требования частично, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, пришел к выводу о том, что выявленный в холодильнике недостаток является дефектом производственного характера и в силу п. 1 ст. 18 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»² признал за Г. право на возврат уплаченной за товар денежной суммы.

При этом суд исходил из того, что общество «Н.» (ответчик) уполномочено производителем на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества, поскольку оно указано в сертификате соответствия холодильника требованиям технических регламентов.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая судебные акты первой и апелляционной инстанций вынесенными с существенным нарушением норм права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При этом Судебная коллегия, руководствуясь положениями п. 3 ст. 503 Гражданского кодекса Российской Федерации³, п. 12 Перечня технически сложных товаров, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 ноября 2011 г. № 924, ст. 18 Закона о защите прав потребителей, а также разъяснениями,

содержащимися в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁴, указала на то, что для удовлетворения требований истца о возврате технически сложного товара по истечении пятнадцати дней со дня его передачи потребителю с учетом обстоятельств дела суду необходимо установить, являлся ли выявленный производственный недостаток существенным.

Однако при рассмотрении дела это установлено не было и суды ограничились только выяснением факта наличия в товаре производственного недостатка.

Кроме того, удовлетворяя требования ОЗПП, суды признали, что общество «Н.» (ответчик), по смыслу Закона о защите прав потребителей, является организацией, уполномоченной изготовителем на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества.

Между тем из преамбулы Закона о защите прав потребителей следует, что уполномоченная изготовителем (продавцом) организация (индивидуальный предприниматель) выполняет определенные функции, в том числе принимает и удовлетворяет требования потребителей в отношении товара ненадлежащего качества, на основании договора с изготовителем (продавцом).

Наличие такого договора, равно как и полномочий ответчика на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества, судами установлено не было.

Указание общества «Н.» в сертификате соответствия товара требованиям технических регламентов в качестве лица, обратившегося за выдачей такого сертификата, само по себе не означает, что оно уполномочено изготовителем (продавцом) на принятие и удовлетворение требований потребителей в отношении товара ненадлежащего качества.

Суды оставили без внимания и оценки то, что на сайте компании изготовителя размещен перечень авторизованных сервисных центров, принимающих претензии потребителей, а в инструкции по эксплуатации товара указано на то, что при любых неполадках с холодильником покупатель должен обратиться к дилеру или в авторизованный сервисный центр.

Также Судебная коллегия со ссылкой на ст. 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁵, п. 6 ст. 13 и п. 2 ст. 45 Закона о защите прав потребителей указала, что, присуждая в пользу Г. судебные расходы, уплаченные им общественной организации за представление его интересов в суде, суды не учли, что наделение законом ОЗПП правом на обращение в суд с иском в защиту прав потребителя не предполагает внесение последним данному обществу платы за его представительство в суде, а следовательно, такие расходы не являются затратами, необходимыми для доступа к правосудию, и не могут быть отнесены к судебным издержкам, возмещение которых производится стороне в соответствии со ст. 100 ГПК РФ.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2019 г. № 18-КГ19-74)

2. В соответствии с п. 6 ст. 19 Закона о защите прав потребителей при выявлении существенных недостатков товара за пределами гарантийного срока, но в течение установленного срока службы товара потребитель вправе вернуть товар изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) и потребовать возврата уплаченной денежной суммы, только если его требование о безвозмездном устранении недостатков не было удовлетворено изготовителем (уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) в двадцатидневный срок.

При этом потребитель обязан вернуть такой товар изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру).

Л. обратилась в суд с иском к импортеру о взыскании стоимости сотового телефона, неустойки, компенсации морального вреда, штрафа, а также расходов на оплату услуг эксперта и представителя, ссылаясь на то, что сотовый телефон перестал работать в течение установленного на него срока службы.

Судом было установлено, что в сотовом телефоне имеется производственный дефект в виде выхода из строя ряда электронных компонентов системной платы, устранение которого возможно путем замены системной платы.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции сослался на то, что выявленный в сотовом телефоне недостаток является устранимым, однако истец в нарушение положений п. 6 ст. 19 Закона о защите прав потребителей не заявляла требование о безвозмездном устранении существенного недостатка товара, что исключает возможность удовлетворения иска о возврате уплаченной денежной суммы.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и частично удовлетворил исковые требования, исходя из того, что в соответствии с политикой компании-изготовителя такая комплектующая деталь, как системная плата, не производится, устранение недостатка в сотовом телефоне сводится к полной замене устройства, что не является ремонтом, а следовательно, выявленный недостаток является существенным и неустраняемым. Учитывая изложенное, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что Л. в силу п. 6 ст. 19 Закона о защите прав потребителей вправе предъявить импортеру требование о возврате уплаченной денежной суммы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая апелляционное определение вынесенным с нарушением норм материального права и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, указала следующее.

Закон о защите прав потребителей устанавливает специальное правовое регулирование применительно к случаям выявления потребителем существенных недостатков товара за пределами гарантийного срока, но в течение установленного срока службы товара. В этом случае потребитель, обращаясь к изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индиви-

дуальному предпринимателю, импортеру), имеет право на последовательное заявление требований, первым из которых является требование о безвозмездном устранении существенных недостатков.

Право обратиться к изготовителю (уполномоченной организации или уполномоченному индивидуальному предпринимателю, импортеру) с требованием о возврате уплаченной денежной суммы может быть реализовано потребителем только после того, как в течение двадцати дней не будет удовлетворено его требование о безвозмездном устранении недостатков либо будет установлен факт того, что обнаруженный недостаток является неустранимым (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17).

При этом п. 6 ст. 19 Закона о защите прав потребителей не содержит каких-либо предписаний относительно того, каким образом должен быть устранен выявленный недостаток — путем использования запасных частей либо путем замены товара аналогичным изделием.

Кроме того, по смыслу указанной нормы, неустранимость недостатка не является синонимом существенности недостатка товара.

Право на возврат уплаченной суммы предоставлено потребителю, если в товаре имеется не только существенный, но и неустранимый недостаток. В заключении эксперта, проводившего по делу судебную экспертизу, имеющийся недостаток квалифицирован как устранимый.

Не было учтено судом апелляционной инстанции и то обстоятельство, что согласно п. 6 ст. 19 Закона о защите прав потребителей праву потребителя на заявление требования о возврате уплаченной денежной суммы предшествует его же обязанность возвратить товар импортеру.

Невыполнение этой обязанности потребителем включает возможность удовлетворения его требования о возврате уплаченной за товар суммы.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2018 г. № 46-КГ18-54)

3. Потребитель вправе требовать возмещения убытков, связанных с возвратом товара ненадлежащего качества, в размере, обеспечивающем приобретение им аналогичного товара.

Д. обратился в суд с иском к производителю о взыскании разницы в стоимости мотоцикла, а также стоимости дополнительного оборудования к нему, неустойки в связи с отказом в такой выплате, компенсации морального вреда, штрафа и судебных расходов. В обоснование требований истец ссылался на то, что приобретенный им мотоцикл поврежден вследствие его возгорания, причиной которого послужил заводской брак — неисправность проводки, что подтверждено вступившим в законную силу решением суда, согласно которому с ответчика в пользу истца уже взысканы уплаченные по договору купли-продажи мотоцикла денежные средства, а также неустойка, компенсация морального вреда и штраф.

Определением суда по данному делу назначена судебная экспертиза, по результатам которой определена стоимость нового мотоцикла этой же модели, а

также стоимость установленного истцом на мотоцикл дополнительного оборудования.

Удовлетворяя исковые требования частично, суд первой инстанции взыскал в пользу истца стоимость дополнительного оборудования и стоимость нового мотоцикла за вычетом ранее взысканной цены мотоцикла, уплаченной истцом при его покупке.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в иске, суд апелляционной инстанции указал на то, что в принятом ранее решении суда вопрос о существенности недостатков мотоцикла не разрешен.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая апелляционное определение вынесенным с нарушением норм материального и процессуального права и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась п. 1 ст. 4, абзацем седьмым п. 1 ст. 18, п. 4 ст. 24 Закона о защите прав потребителей, ч. 2 ст. 61, ч. 2 ст. 209 ГПК РФ, а также разъяснением, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17.

Согласно абзацу седьмому п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей потребитель вправе потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему вследствие продажи товара ненадлежащего качества.

В силу п. 4 ст. 24 этого же закона при возврате товара ненадлежащего качества потребитель вправе требовать возмещения разницы между ценой товара, установленной договором, и ценой соответствующего товара на момент добровольного удовлетворения такого требования или, если требование добровольно не удовлетворено, на момент вынесения судом решения.

В пункте 31 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17 разъяснено, что убытки, причиненные потребителю в связи с нарушением изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) его прав, подлежат возмещению в полном объеме, кроме случаев, когда законом установлен ограниченный размер ответственности. При этом следует иметь в виду, что убытки возмещаются сверх неустойки (пени), установленной законом или договором, а также что уплата неустойки и возмещение убытков не освобождают лицо, нарушившее право потребителя, от выполнения в натуре возложенных на него обязательств перед потребителем (п. 2, 3 ст. 13 Закона о защите прав потребителей).

Под убытками понимаются расходы, которые потребитель, чье право нарушено, произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые потребитель получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

При определении причиненных потребителю убытков суду следует исходить из цен, существующих в том месте, где должно было быть удовлетворено требование потребителя, на день вынесения решения, если законом или договором не предусмотрено иное.

Учитывая это, при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, связанных с возвратом

товара ненадлежащего качества, суд вправе удовлетворить требование потребителя о взыскании разницы между ценой такого товара, установленной договором купли-продажи, и ценой аналогичного товара на время удовлетворения требований о взыскании уплаченной за товар ненадлежащего качества денежной суммы.

Таким образом, положения п. 4 ст. 24 Закона о защите прав потребителей направлены на защиту интересов потребителя, чтобы он мог приобрести аналогичный товар и в том случае, если к моменту удовлетворения требований потребителя цена на такой товар увеличилась.

Поскольку предыдущим решением суда в пользу истца взыскана только денежная сумма, уплаченная им при покупке некачественного мотоцикла, то он вправе требовать взыскания ему разницы между этой суммой и ценой нового мотоцикла на момент разрешения спора.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 августа 2019 г. № 4-КГ19-31)

4. При разрешении вопроса об ответственности импортера автомобиля за нарушение прав потребителя юридически значимым обстоятельством является установление наличия либо отсутствия в импортированном автомобиле существенного недостатка и причины его возникновения.

Лица, участвующие в деле, имеют право присутствовать при проведении экспертизы, если их присутствие не может помешать исследованию. Эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы.

П. обратилась в суд с иском к импортеру о расторжении договора купли-продажи автомобиля и взыскании денежных сумм, мотивировав требования тем, что в период гарантийного срока у автомобиля выявлен существенный недостаток — неисправность двигателя.

Удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что истцу продан технически сложный товар ненадлежащего качества. Наличие существенного недостатка производственного характера подтверждено заключением эксперта, проводившего судебную автотехническую экспертизу.

Кроме того, судом указано на то, что ремонт не осуществлялся в течение длительного времени и покупатель был лишен возможности использовать товар по назначению свыше тридцати дней в течение года.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признав состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального и процессуального права, направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, руководствовалась положениями п. 1 и б ст. 18 Закона о защите прав потребителей, а также ст. 12 и 67, ч. 1 ст. 79, ч. 3 ст. 84, ч. 2 ст. 85, ст. 86, ч. 2 ст. 87, ч. 4 ст. 198 ГПК РФ.

Судебная коллегия указала, что при рассмотрении данного дела подлежал выяснению вопрос о наличии либо об отсутствии в импортированном ответчиком автомобиле существенного недостатка и о его причинах.

Из материалов дела следует, что и истцом, и ответчиком заявлялись ходатайства о проведении по делу судебной экспертизы, при этом ответчик просил известить его о дате, времени и месте проведения экспертизы.

Для разрешения вопросов о возможных причинах выявленных недостатков, а также о том, являлись ли эти недостатки производственными или эксплуатационными, определением суда была назначена судебная автотехническая экспертиза. В данном определении указано, что экспертизу следует произвести с обязательным осмотром автомобиля, а также с участием сторон по делу.

Ответчик настаивал на своем присутствии при осмотре автомобиля и производстве экспертизы, просил известить его о времени и месте совершения указанных действий.

Вместе с тем из заключения эксперта экспертной организации следует, что экспертиза проведена в отсутствие сторон, при этом данных об их извещении о месте и времени проведения экспертизы в материалах дела не имеется.

Кроме того, эксперт в связи с необходимостью предоставления ему дополнительных материалов и документов для исследования направил в суд ходатайство о предоставлении каталожного номера цепи газораспределительного механизма двигателя. В нарушение положений ч. 2 ст. 85 ГПК РФ данное ходатайство о предоставлении дополнительных материалов направлено экспертным учреждением также в адрес третьего лица — официального дилера.

Впоследствии официальным дилером непосредственно в адрес экспертной организации направлен ответ на запрос, в котором указан номер названной запасной части двигателя.

Данных о том, что суд каким-либо образом участвовал в предоставлении эксперту дополнительных материалов, гражданское дело не содержит.

Согласно заключению эксперта причиной неисправности послужило вытягивание цепи привода газораспределительного вала сверх допустимого предела. Данная цепь, как указал эксперт, по каталожному номеру является оригинальной, выпущена производителем автомобиля и поставлена на двигатель при его ремонте.

Между тем какого-либо обоснования такого вывода и описания исследования заключение эксперта не содержит.

Из заключения эксперта следует, что автомобиль ему был предоставлен, осматривался им, в процессе осмотра производилась фотосъемка, однако сведений о том, что цепь газораспределительного механизма двигателя подвергалась осмотру, измерению или какому-либо другому исследованию, заключение не содержит.

В судебном заседании экспертом даны показания о том, что автомобиль им не осматривался, а вывод о растягивании цепи газораспределительного механизма двигателя сделан на основании предоставленных ему фотоматериалов.

Данное противоречие судами оставлено без внимания, происхождение фотоматериалов не проверено.

В нарушение приведенных выше норм процессуального права судебные инстанции указанным обстоятельствам и доводам ответчика о нарушении его прав при производстве экспертизы и о немотивированности

выводов эксперта оценки не дали, в проведении повторной судебной экспертизы ответчику было отказано как судом первой, так и судом апелляционной инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 18-КГ19-73)

5. В соответствии с п. 6 ст. 24 Закона о защите прав потребителей при возврате товара ненадлежащего качества потребитель имеет право на возмещение уплаченных им процентов и иных платежей по договору потребительского кредита (займа), если данный кредит предоставлен ему как потребителю для приобретения этого товара.

ОЗПП обратилась в суд в защиту интересов Д. с иском к продавцу о расторжении договора купли-продажи автомобиля, взыскании денежных сумм, в том числе процентов по кредиту, ссылаясь на то, что в период действия гарантийного срока в товаре были выявлены существенные производственные недостатки, влияющие на безопасность транспортного средства и делающие его эксплуатацию невозможной.

Удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, расторг договор купли-продажи и взыскал с продавца в пользу Д. уплаченные за автомобиль денежные средства, разницу между его ценой на день покупки и на день вынесения решения, расходы на приобретение и установку дополнительного оборудования, неустойку, компенсацию морального вреда, штраф, судебные расходы, а также проценты по кредиту.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая решение суда первой инстанции и апелляционное определение суда апелляционной инстанции в части взыскания процентов по кредиту и штрафа вынесенными с нарушением норм материального права и направляя дело в этой части на новое апелляционное рассмотрение, указала следующее.

Удовлетворяя исковые требования, в том числе и требование о взыскании процентов по кредиту, суд первой инстанции, ссылаясь на положения п. 5 и 6 ст. 24 Закона о защите прав потребителей, исходил из того, что выплаченные Д. банку проценты по кредитному договору подлежат возмещению.

Однако суд не учел, что в соответствии с п. 5 ст. 24 Закона о защите прав потребителей в случае возврата товара ненадлежащего качества, проданного в кредит, потребителю возвращается уплаченная за товар денежная сумма в размере погашенного ко дню возврата указанного товара кредита, а также возмещается плата за предоставление кредита.

Данная норма права регулирует правоотношения, связанные с приобретением товара с отсрочкой или рассрочкой платежа, предоставленными самим продавцом (ст. 488, 489 ГК РФ), а следовательно, к правоотношениям, когда товар приобретен за счет кредитных средств, применению не подлежит.

Возмещение истцу убытков при возврате товара ненадлежащего качества, приобретенного потребителем за счет потребительского кредита (займа), предусмо-

рено п. 6 ст. 24 Закона о защите прав потребителей, согласно которому продавец обязан вернуть потребителю уплаченную за товар денежную сумму, а также возместить уплаченные потребителем проценты и иные платежи по договору потребительского кредита (займа).

Отношения, возникающие в связи с предоставлением потребительского кредита (займа) физическому лицу в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, на основании кредитного договора, договора займа и исполнением соответствующего договора, регулируются Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)».

Судом установлено, что банк предоставил Д. кредит, использованный на оплату части стоимости приобретенного автомобиля, как индивидуальному предпринимателю.

Более того, в п. 2.1 кредитного договора указано, что предоставление кредита осуществляется путем перечисления денежных средств на счет заемщика в банке, а раздел 3 указанного договора предусматривает обязанность заемщика по представлению бухгалтерской отчетности и налоговых деклараций по деятельности индивидуального предпринимателя Д.

С учетом того что стороной в кредитном договоре истец выступал не как потребитель, а как индивидуальный предприниматель, положения п. 6 ст. 24 Закона о защите прав потребителей к спорным правоотношениям применению не подлежали, что не было учтено судами при рассмотрении данного спора.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2020 г. № 9-КГ19-15)

6. Нарушение прав потребителя, имевшее место после вынесения решения суда и выразившееся в дальнейшем неисполнении обязательства продавцом, является основанием для удовлетворения иска потребителя о взыскании неустойки за период с момента вынесения решения суда и до дня его фактического исполнения, а также компенсации морального вреда и штрафа.

ОЗПП обратилась в суд в интересах Ш. с иском к индивидуальному предпринимателю о взыскании неустойки, компенсации морального вреда и штрафа.

Судом по делу установлено, что вступившим в законную силу решением суда разрешен спор о защите прав Ш. как потребителя в связи с недостатками приобретенных им жилого дома и земельного участка. С индивидуального предпринимателя в пользу Ш. взысканы уплаченная денежная сумма, неустойка за нарушение срока удовлетворения требований потребителей о возврате денежных средств, рассчитанная на момент вынесения решения суда, убытки, компенсация морального вреда и штраф.

Решение суда длительное время не исполнялось.

Ш. обратилась к индивидуальному предпринимателю с претензией о выплате неустойки за просрочку удовлетворения требований потребителя о возврате уплаченной за товар суммы после решения суда.

Частично удовлетворяя иски, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что за нарушение сроков возврата потребителю уплаченной за товар суммы истец вправе требовать с ответчика неустойку на основании ст. 23 Закона о защите прав потребителей за период с момента вынесения решения суда и до дня его фактического исполнения.

Во взыскании компенсации морального вреда суд отказал, мотивировав это тем, что такой вред уже компенсирован истцу предыдущим решением суда.

Отказывая во взыскании штрафа за неудовлетворение требований потребителя в добровольном порядке, суд посчитал, что такой штраф представляет собой дополнительную однократную санкцию, которая применяется к недобросовестному продавцу в случае отказа в добровольном порядке удовлетворить правомерные требования потребителя, и такая мера ответственности была применена ранее при рассмотрении спора об отказе от исполнения договора купли-продажи.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального права и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Согласно ст. 15 Закона о защите прав потребителей моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда.

Предыдущим решением суда с ответчика в пользу истца взысканы компенсация морального вреда и штраф за нарушение прав потребителя в связи с выявленными недостатками в приобретенном имуществе, а также за нарушение срока исполнения обязательства по устранению недостатков и срока возврата денежных средств за период, предшествующий вынесению решения суда.

При разрешении данного спора судами установлено право истца на неустойку за иной период — с момента вынесения решения суда и до дня его фактического исполнения.

Также установлено, что возложенная законом обязанность добровольно удовлетворить требования потребителя ответчиком не исполнялась.

Факт нарушения прав потребителя за иной период является достаточным условием для удовлетворения иска о компенсации морального вреда и штрафа за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя.

Ссылка суда на то, что ранее компенсация морального вреда уже взыскивалась в пользу истца, является несостоятельной, поскольку эта компенсация взыскивалась за предыдущее нарушение.

По правилам п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, при удовлетворении судом требований

потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Таким образом, при взыскании с исполнителя в пользу потребителя денежных сумм, связанных с восстановлением нарушенных прав последнего, в силу прямого указания закона суд должен решить вопрос о взыскании с виновного лица штрафа за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя.

Вывод суда о том, что взыскание данного штрафа является однократной санкцией, а в дальнейшем ответчик освобождается от его уплаты, признан Судебной коллегией ошибочным и не основанным на нормах действующего законодательства.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 77-КГ19-9)

Разрешение споров, возникающих из договоров подряда с потребителем

7. Срок для предъявления заказчиком по договору подряда требования о безвозмездном устранении существенных недостатков результата работы, в отношении которого не установлен срок службы, составляет десять лет со дня принятия результата работы.

ОЗПП в интересах К. обратилась в суд к индивидуальному предпринимателю с иском о расторжении договора подряда, заключенного в 2012 году (по условиям которого ответчик принял на себя обязательство по выполнению работ по утеплению, подготовке поверхности и нанесению декоративной штукатурки на фасад жилого дома), взыскании уплаченных по договору подряда денежных средств, неустойки, убытков, компенсации морального вреда, а также о взыскании штрафа.

Определением суда принят к производству встречный иск индивидуального предпринимателя к К. о признании договора подряда недействительной (мнимой) сделкой.

По делу определением суда была назначена строительно-техническая экспертиза.

Согласно заключению эксперта при выполнении работ по утеплению и нанесению декоративной штукатурки допущены нарушения строительных норм и правил, в том числе повлекшие отслоение утеплителя от стен, что является значительным дефектом.

Удовлетворяя частично требования К., суд первой инстанции исходил из того, что работы выполнены подрядчиком с существенными недостатками. Руководствуясь п. 6 ст. 29 Закона о защите прав потребителей, суд указал, что срок для предъявления претензий по качеству выполненных работ составляет в данном случае десять лет и истцом не пропущен.

Отказывая в удовлетворении встречного иска, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии

оснований для признания договора подряда недействительной (мнимой) сделкой.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции, указав, что срок службы для результата выполненных подрядчиком работ не установлен, пришел к выводу о том, что исковые требования ОЗПП в интересах К. о расторжении договора подряда, взыскании уплаченных по договору денежных средств, неустойки и убытков заявлены за пределами предусмотренного п. 6 ст. 29 Закона о защите прав потребителей пятилетнего срока для выявления недостатков работ (услуг) и предъявления требования об их устранении.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала апелляционное определение вынесенным с нарушением норм материального права и направила дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 730 ГК РФ по договору бытового подряда подрядчик, осуществляющий соответствующую предпринимательскую деятельность, обязуется выполнить по заданию гражданина (заказчика) определенную работу, предназначенную удовлетворять бытовые или другие личные потребности заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить работу.

На основании положений ст. 5 Закона о защите прав потребителей на товар (работу), предназначенный для длительного использования, изготовитель (исполнитель) вправе устанавливать срок службы — период, в течение которого изготовитель (исполнитель) обязуется обеспечивать потребителю возможность использования товара (работы) по назначению и нести ответственность за существенные недостатки на основании п. 6 ст. 19 и п. 6 ст. 29 данного закона.

В соответствии с п. 6 ст. 29 Закона о защите прав потребителей в случае выявления существенных недостатков работы (услуги) потребитель вправе предъявить исполнителю требование о безвозмездном устранении недостатков, если докажет, что недостатки возникли до принятия им результата работы (услуги) или по причинам, возникшим до этого момента. Это требование может быть предъявлено, если такие недостатки обнаружены по истечении двух лет (пяти лет в отношении недвижимого имущества) со дня принятия результата работы (услуги), но в пределах установленного на результат работы (услуги) срока службы или в течение десяти лет со дня принятия результата работы (услуги) потребителем, если срок службы не установлен. Если данное требование не удовлетворено в течение двадцати дней со дня его предъявления потребителем или обнаруженный недостаток является неустранимым, потребитель по своему выбору вправе требовать: соответствующего уменьшения цены за выполненную работу (оказанную услугу); возмещения понесенных им расходов по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами; отказа от исполнения договора о выполнении работы (об оказании услуги) и возмещения убытков.

Аналогичные положения содержатся в п. 2 и 3 ст. 737 ГК РФ.

В силу п. 2 ст. 737 ГК РФ в случае обнаружения существенных недостатков результата работы заказчик вправе

предъявить подрядчику требование о безвозмездном устранении таких недостатков, если докажет, что они возникли до принятия результата работы заказчиком или по причинам, возникшим до этого момента. Это требование может быть предъявлено заказчиком, если указанные недостатки обнаружены по истечении двух лет (для недвижимого имущества — пяти лет) со дня принятия результата работы заказчиком, но в пределах установленного для результата работы срока службы или в течение десяти лет со дня принятия результата работы заказчиком, если срок службы не установлен (п. 2).

При невыполнении подрядчиком требования, указанного в п. 2 названной статьи, заказчик вправе в течение того же срока потребовать либо возврата части цены, уплаченной за работу, либо возмещения расходов, понесенных в связи с устранением недостатков заказчиком своими силами или с помощью третьих лиц, либо отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения причиненных убытков (п. 3 ст. 737 ГК РФ).

Исходя из смысла положений п. 6 ст. 29 Закона о защите прав потребителей и п. 2 ст. 737 ГК РФ срок для предъявления требования о безвозмездном устранении существенных недостатков результата выполненной работы в случае, если срок службы на результат этих работ не установлен, составляет десять лет со дня принятия результата работы заказчиком.

Суд апелляционной инстанции в нарушение положений указанных норм права пришел к ошибочному выводу о том, что срок для выявления недостатков работ и предъявления требования об их устранении составляет пять лет с момента принятия результата работ и он К. пропущен, что повлекло отказ в удовлетворении ее требований.

Поскольку срок службы на результат работы не установлен, к требованиям по устранению существенных недостатков результата работы подлежал применению десятилетний срок со дня принятия результата работы, а суду необходимо было обсудить вопрос о том, имелись ли основания для удовлетворения требования о расторжении договора подряда и возврате денежных средств, уплаченных за выполненные с недостатками работы.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 57-КГ19-3)

8. Заказчик вправе отказаться от исполнения договора подряда и потребовать возмещения причиненных убытков при наличии существенных недостатков результата работы и невыполнении подрядчиком требований об их безвозмездном устранении.

Х. обратилась в суд с иском к обществу о расторжении договора подряда (выполнение работ по возведению цокольного этажа, фундамента под террасы, под гараж, кладовой под кухней и перехода между гаражом и домом, а также работы по устройству гидроизоляции гаража, перехода между гаражом и домом и по устройству дренажа дома, перехода и гаража на земельном участке), взыскании уплаченных по договору денежных средств, компенсации морального вреда, штрафа, расходов по оплате услуг представителя.

В целях установления наличия или отсутствия недостатков в выполненной работе определением суда

по ходатайству представителя Х. назначена судебная строительно-техническая экспертиза.

Согласно заключению эксперта работы, выполненные обществом по договору подряда, имеют отклонения от требований нормативной и проектной документации в части требований, предъявляемых к готовым монолитным конструкциям; в соответствии с «Классификатором основных видов дефектов в строительстве и промышленности строительных материалов» выявленные дефекты являются значительными. Также выявлены отклонения прямолинейности конструкций от требований. Дефект устранимый, малозначительный, а следовательно, продолжение исполнения договора подряда возможно. Используемая заказчиком для дальнейшего строительства конструкция возведена подрядчиком, выявлены следы устранения дефектов.

Отказывая в удовлетворении иска Х., районный суд, учитывая, что возведенная ответчиком конструкция использована истцом для дальнейшего строительства, пришел к выводу о том, что допущенные подрядчиком дефекты выполненной работы не являются существенными и были устранены.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, сослался на заключение судебного эксперта, а также акты экспертных исследований о наличии отклонений от требований нормативной и проектной документации в части требований, предъявляемых к готовым монолитным конструкциям, и взыскал с общества в пользу Х. денежные средства в виде разницы между суммой аванса и стоимостью принятых работ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что апелляционное определение в той части, в которой был удовлетворен иск Х., принято с нарушением норм действующего законодательства, указав следующее.

В соответствии со ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями.

На основании п. 1 и 3 ст. 740 ГК РФ по договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену.

В случаях, когда по договору строительного подряда выполняются работы для удовлетворения бытовых или других личных потребностей гражданина (заказчика), к такому договору применяются правила § 2 гл. 37 о правах заказчика по договору бытового подряда.

Согласно п. 1 ст. 730 ГК РФ по договору бытового подряда подрядчик, осуществляющий соответствующую предпринимательскую деятельность, обязуется выполнить по заданию гражданина (заказчика) определенную работу, предназначенную удовлетворять бытовые или другие личные потребности заказчика, а заказчик обязуется принять и оплатить работу.

К отношениям по договору бытового подряда, не урегулированным названным кодексом, применяются

законы о защите прав потребителей и иные правовые акты, принятые в соответствии с ними (п. 3 ст. 730 ГК РФ).

Статья 737 ГК РФ, подлежащая применению при рассмотрении данного дела, проводит различие между недостатками результата работы и существенными недостатками, устанавливая правомочия заказчика на отказ от исполнения договора подряда при наличии существенных недостатков результата работы и в зависимости от того, были или не были выполнены подрядчиком требования, предъявленные заказчиком в соответствии с законом.

Согласно преамбуле Закона о защите прав потребителей под существенным недостатком товара (работы, услуги) понимается неустранимый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения, или другие подобные недостатки.

С учетом приведенных выше норм права при разрешении требований о расторжении договора подряда подлежал выяснению вопрос о том, относятся ли недостатки выполненных обществом работ к существенным и были ли выполнены подрядчиком действия по их безвозмездному устранению, если соответствующее требование заявлялось заказчиком.

Между тем судом установлено, что выявленные недостатки являются устранимыми; ранее возведенные обществом конструкции фактически используются Х., на них возведена часть дома, а кроме того, имеются следы устранения дефектов, выполненные иной организацией. Существенных недостатков результата работ, выполненных обществом, судом не установлено.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 5-КГ19-65)

Разрешение споров, возникающих в связи с оказанием потребителям услуг, включая финансовые услуги

9. Право на возмещение убытков и морального вреда, причиненных в результате нарушения газоснабжающей организацией условий договора по газоснабжению домовладения, принадлежит как собственнику этого домовладения, с которым заключен договор на поставку газа, так и проживающим совместно с ним членам его семьи.

И., М., С. обратились в суд с иском к газоснабжающей организации о взыскании убытков, компенсации морального вреда, возмещении судебных расходов.

Судами установлено, что вступившим в законную силу решением суда от 25 января 2017 г. удовлетворен иск прокурора в интересах И. к газоснабжающей организации о признании незаконными действий по прекращению подачи газа в домовладение, в котором проживают И. и члены его семьи. На ответчика возложена обязанность устранить нарушения требований законодательства о газоснабжении путем восстановления поставки газа в домовладение.

Удовлетворяя искивые требования частично, суд первой инстанции установил, что газоснабжающая организация возобновила поставку газа после принятия судом обеспечительных мер по иску прокурора, при этом газоснабжение в доме истца отсутствовало в период с 21 октября 2016 г. по 16 января 2017 г.

С учетом данных обстоятельств суд взыскал в пользу И. компенсацию морального вреда, поскольку подача газа не осуществлялась в холодный осенне-зимний период, вследствие чего отсутствовало отопление дома.

При этом суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, отказал в удовлетворении искивых требований М. и С. о компенсации морального вреда, сославшись на то, что на них не распространяются положения Закона о защите прав потребителей, так как последние не являются собственниками жилого дома и абонентами по договору поставки газа с газоснабжающей организацией.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая состоявшиеся судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального права и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась положениями ст. 15 Закона о защите прав потребителей, ч. 2 и 3 ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также разъяснениями, содержащимися в подп. «а» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17, и исходила из того, что граждане, являющиеся членами семьи собственника и проживающие с собственником в принадлежащем ему доме, пользуются услугами по отоплению наряду с собственником, с которым заключен договор на поставку газа.

Из обстоятельств дела следует, что М. и С. являются членами семьи собственника дома И. и проживают вместе с ним в жилом помещении, следовательно, на законном основании пользуются поставляемым обществом газом, являясь потребителями услуги, оказываемой газоснабжающей организацией.

Учитывая, что общество незаконно приостановило поставку газа в дом, в котором проживают истцы, М. и С. также вправе требовать компенсации морального вреда в соответствии с нормами о защите прав потребителей.

В силу ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Отказывая в удовлетворении искивых требований о возмещении убытков в виде расходов на приобретение дополнительного электрооборудования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, сослался на отсутствие причинно-следственной связи между действиями газоснабжающей организации по отключению газоснабжения жилого дома и покупкой обогревателей.

Между тем судами обеих инстанций остались невыясненными такие юридически значимые обстоятельства, как цель и время приобретения истцами указанного электрооборудования.

При таких обстоятельствах выводы суда об отсутствии причинно-следственной связи между покупкой таких товаров и прекращением подачи газа в жилой дом, отопление которого производится с использованием газового котла, признаны ошибочными.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2018 г. № 18-КГ18-181)

10. С заемщика по договору займа, заключенному с микрофинансовой организацией, не может быть взыскана денежная сумма, превышающая предельное значение полной стоимости микрозайма, определяемое Банком России в установленном законом порядке.

Коллекторское агентство обратилось в суд с иском к С. о взыскании задолженности по договору займа.

Судом установлено, что 11 сентября 2015 г. между микрофинансовой организацией и С. заключен договор потребительского займа, в соответствии с которым кредитор передал заемщику денежные средства в сумме 25 000 руб. сроком до 1 октября 2015 г.

За пользование займом заемщик обязался уплачивать проценты в размере 475% годовых от суммы займа, что составляет 1,5% в день (индивидуальные условия договора потребительского займа).

По условиям договора уплата суммы займа и процентов за пользование им производится заемщиком однократно и одновременно в размере 31 825 руб., из них 25 000 руб. — сумма основного долга, 6 825 руб. — проценты за пользование займом.

17 июля 2017 г. между микрофинансовой организацией (цедентом) и коллекторским агентством (цессионарием) заключен договор, по которому цедент передал, а цессионарий принял в полном объеме требования к С., возникшие из договора потребительского займа от 11 сентября 2015 г.

С. обязательства по возврату суммы займа и уплате процентов за пользование им не исполнила.

Удовлетворяя искивые требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, признал правильным расчет ответчиком суммы долга по состоянию на 23 марта 2017 г. в размере 195 990 руб., в том числе основного долга — 24 500 руб. и процентов — 171 490 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая состоявшиеся судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального права и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась положениями п. 3 ст. 807 ГК РФ, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» и ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» в редакции, действовавшей на момент заключения сторонами договора, и указала, что законом установлены ограничения полной стоимости потребительского кредита (займа), предостав-

ляемого микрофинансовой организацией гражданину, предельный размер которой зависит, в частности, от суммы кредита (займа), срока его возврата и наличия либо отсутствия обеспечения по кредиту.

Предельные значения полной стоимости потребительских кредитов (займов), подлежащие применению для договоров, заключенных в IV квартале 2015 года микрофинансовыми организациями с физическими лицами, для потребительских микрозаймов без обеспечения в сумме до 30 000 руб. на срок до 1 месяца были установлены Банком России в размере 906,639% при их среднерыночном значении 679,979%.

Согласно этим значениям полная стоимость микрозайма, предоставленного микрофинансовой организацией С. в сумме 25 000 руб. на срок 21 день, была определена договором в размере 474,5%.

Между тем судом взысканы проценты исходя из указанной выше ставки за пользование кредитом с 11 сентября 2015 г. по 23 марта 2017 г.

При этом судом не учтено, что для потребительских микрозаймов без обеспечения на сумму до 30 000 руб. сроком свыше года предельное значение полной стоимости такого кредита (займа) Банком России установлено в размере 136,024% при среднерыночном значении 102,018%.

Таким образом, с ответчика взыскана денежная сумма, превышающая предельное значение полной стоимости микрозайма, определенное Банком России в установленном законом порядке.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2019 г. № 80-КГ18-15)

11. Условие договора банковского вклада, заключенного между банком и потребителем, об обязательном досудебном урегулировании споров является ничтожным, как ущемляющее права потребителя.

Ф. обратился в суд с иском к банку о возложении обязанности начислить проценты по вкладу, взыскании штрафа и компенсации морального вреда.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, исковое заявление Ф. оставлено без рассмотрения.

Оставляя иск Ф. без рассмотрения, суды руководствовались абзацем вторым ст. 222 ГПК РФ и исходили из того, что истцом не соблюден досудебный порядок урегулирования спора, предусмотренный условиями договора банковских вкладов, банковских счетов, открываемых физическими лицами в банке, согласно которым все спорные вопросы стороны решают путем переговоров с соблюдением претензионного порядка урегулирования споров, а до подачи данного искового заявления Ф. какую-либо претензию ответчику не направлял.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу определения суда и направила дело для рассмотрения по существу в суд первой инстанции, указав следующее.

В силу п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам,

установленным законом и иными правовыми актами (императивными нормами), действующим в момент его заключения.

Законом о защите прав потребителей не предусмотрен обязательный досудебный претензионный порядок рассмотрения споров между потребителем и исполнителем услуг, а договорное условие об этом должно рассматриваться как ограничивающее право потребителя на доступ к правосудию. Поскольку такой запрет установлен законом не только для защиты прав конкретного потребителя, но и в целях защиты публичных интересов, оспариваемые условия договора являются ничтожными в силу п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей и п. 2 ст. 168 ГК РФ.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2019 г. № 49-КГ18-61)

12. По соглашению сторон кредитного договора может быть изменена очередность погашения только тех требований, которые предусмотрены ст. 319 ГК РФ. Подлежащие уплате по денежному обязательству гражданско-правовые санкции (неустойка, пеня) за неисполнение или просрочку исполнения денежного обязательства погашаются после суммы основного долга.

Банк обратился в суд к Д. с иском о взыскании задолженности по кредитному договору, состоящей из текущего долга по кредиту, долга по погашению кредита (просроченный долг), долга по не уплаченным в срок процентам, повышенных процентов за просрочку погашения долга по кредиту, повышенных процентов за просрочку по уплате процентов, а также об обращении взыскания на заложенное имущество и о взыскании судебных расходов.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что банк в нарушение положений ГК РФ незаконно зачислял поступающие от заемщика платежи по кредитному договору в первую очередь в счет погашения неустойки, а также в одностороннем порядке изменил размер процентов за пользование займом и начислял проценты на проценты, что привело к искусственному увеличению кредитной задолженности.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции, сославшись на положения ст. 319 и 421 ГК РФ, исходил из того, что требования банка соответствуют условиям заключенного между сторонами кредитного договора, в том числе порядку погашения задолженности, согласованному сторонами и не противоречащему действующему законодательству. В апелляционном определении также указано, что ответчик с требованием о признании недействительными условий кредитного договора не обращался, доказательств иного размера задолженности, а также несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства не представил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что апелляционное определение принято с существенным нарушением норм материального и процессуального права по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 319 ГК РФ сумма произведенного платежа, недостаточная для исполнения денежного обязательства полностью, при отсутствии иного соглашения погашает прежде всего издержки кредитора по получению исполнения, затем — проценты, а в оставшейся части — основную сумму долга.

Как разъяснено в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», по смыслу ст. 319 ГК РФ под упомянутыми в ней процентами понимаются проценты, являющиеся платой за пользование денежными средствами (например, ст. 317.1, 809, 823 ГК РФ). Проценты, являющиеся мерой гражданско-правовой ответственности, например проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, к указанным в ст. 319 ГК РФ процентам не относятся и погашаются после суммы основного долга.

Положения ст. 319 ГК РФ, устанавливающие очередность погашения требований по денежному обязательству, могут быть изменены соглашением сторон. Однако соглашением сторон может быть изменен порядок погашения только тех требований, которые названы в этой статье.

Иная очередность погашения требований по денежному обязательству может быть предусмотрена законом. В частности, к отношениям по договорам потребительского кредита (займа), заключенным после введения в действие Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», подлежит применению очередность погашения требований, предусмотренная ч. 20 ст. 5 данного закона.

С учетом того что кредитный договор между банком и Д. заключен до введения в действие названного федерального закона, вступившего в силу 1 июля 2014 г., условия кредитного договора должны соответствовать требованиям законодательства, действовавшего на момент его заключения, то есть ст. 319 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

В силу п. 4 названной статьи условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422 ГК РФ). В случаях когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой.

Договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивными нормами), действующим в момент его заключения (п. 1 ст. 422 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей условия договора, ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей, признаются недействительными.

В силу ст. 168 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент заключения сделки) сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения.

Из приведенных законов и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что ранее основной суммы долга погашаются только проценты за пользование денежными средствами, при этом возможность изменения по соглашению сторон очередности погашения требований ограничена только теми требованиями, которые названы в ст. 319 ГК РФ. Подлежащие уплате по денежному обязательству гражданско-правовые санкции (неустойка, пеня) за неисполнение или просрочку исполнения денежного обязательства погашаются после суммы основного долга.

Таким образом, принятый судом апелляционной инстанции расчет задолженности Д., произведенный банком и предусматривающий направление поступающих от заемщика денежных средств на погашение штрафных санкций ранее погашения основного долга, не соответствует положениям ст. 319 ГК РФ.

Кроме того, суд апелляционной инстанции не дал оценку тому обстоятельству, что спорный кредитный договор не содержит условий, устанавливающих очередность погашения кредитного обязательства. Анкета заемщика, на основании которой банком производилось направление поступающих от Д. денежных средств на погашение штрафных санкций ранее погашения основного долга, содержит условие о том, что принятие банком данной анкеты не является обязательством банка заключить кредитный договор с поименованным в анкете лицом, при этом сам кредитный договор не содержит указания на то, что анкета является его неотъемлемой частью или приложением.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2018 г. № 16-КГ18-39)

13. Расходы потерпевшего на проведение независимой экспертизы для определения размера ущерба являются его убытками и подлежат возмещению страховщиком сверх лимита ответственности по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств независимо от того, до или после обращения в страховую компанию была проведена эта экспертиза.

Е. (цессионарий) обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании недоплаченного страхового возмещения за повреждение автомобиля, принадлежащего К. (цеденту), неустойки, убытков, штрафа. Размер доплаты страхового возмещения заявлен с учетом результатов независимой экспертизы.

Ответчик с указанным истцом размером ущерба не согласился, в связи с чем по его ходатайству судом была назначена судебная экспертиза.

Заключением экспертов определена стоимость восстановительного ремонта автомобиля с учетом износа.

Разрешая исковые требования, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстан-

ции, с учетом судебного экспертного заключения пришел к выводу об удовлетворении исковых требований в части взыскания невыплаченного страхового возмещения. Поскольку лимит ответственности ответчика в размере 400 000 руб., установленный Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее — Закон об ОСАГО), был исчерпан, суд пришел к выводу о том, что с ответчика в пользу истца не могут быть взысканы расходы, связанные с оплатой экспертного заключения.

При этом суд апелляционной инстанции, отклоняя доводы апелляционной жалобы о том, что расходы на проведение независимой экспертизы подлежат взысканию с ответчика сверх лимита ответственности по договору ОСАГО, исходил из того, что стоимость независимой экспертизы, проведенной по инициативе потерпевшего до истечения 5-дневного срока, предусмотренного п. 11 ст. 12 Закона об ОСАГО, подлежит взысканию со страховой компании без учета лимита ответственности по договору страхования лишь в отсутствие ответа страховой организации на требование о выплате страхового возмещения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая апелляционное определение вынесенным с нарушением норм материального права и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась в том числе положениями ст. 12 Закона об ОСАГО, п. 2 ст. 15 ГК РФ, а также п. 23 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 г.), и исходила из того, что в состав убытков, подлежащих возмещению страховщиком по договору обязательного страхования, может быть включена только стоимость независимой экспертизы (оценки), на основании которой страховщиком осуществляется страховая выплата.

Обращение к независимому эксперту (оценщику) для определения суммы действительного ущерба, необходимое для защиты права истца на получение страхового возмещения в надлежащем размере, обусловлено ненадлежащим исполнением страховщиком своих обязательств по договору страхования.

Согласно п. 1 ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств.

В силу ст. 15 названного кодекса лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права.

Как установлено судом, ответчик получил претензию истца о доплате страхового возмещения с учетом результатов независимой экспертизы, однако оставил ее без удовлетворения.

Суд, оценив представленные по делу доказательства, в том числе заключение эксперта, проводившего по делу судебную экспертизу, пришел к выводу о ненадлежащем

исполнении страховщиком своих обязанностей и взыскал с него в пользу истца невыплаченное страховое возмещение в пределах установленного законом лимита.

В связи с этим затраты по проведению независимой экспертизы фактически являются убытками истца, причиненными ненадлежащим исполнением обязанностей страховщиком, а следовательно, ее стоимость подлежит взысканию со страховщика без учета лимита ответственности по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Тот факт, что независимая экспертиза проведена до обращения в страховую компанию, сам по себе правового значения не имеет.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2018 г. № 53-КГ18-14)

14. По общему правилу страховое возмещение в виде ремонта должно обеспечивать сохранение гарантии на застрахованное транспортное средство.

К. обратился в суд к страховой организации с иском о возложении обязанности произвести восстановительный ремонт принадлежащего истцу на праве собственности автомобиля у официального дилера с применением оригинальной запасной части, взыскании компенсации морального вреда и расходов на оплату услуг представителя.

В обоснование требований истец указал на то, что между ним и ответчиком заключен договор добровольного страхования автомобиля, в период действия которого застрахованный автомобиль получил повреждения, в том числе лобового стекла. Страховщик признал данный случай страховым и выдал К. направление на замену лобового стекла в СТОА, где истцу предложили установить неоригинальное лобовое стекло. Не согласившись на это, К. обратился в страховую организацию с заявлением о замене сервисного центра на дилерский, в чем ему было отказано.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что сторонами договора страхования согласована выплата страхового возмещения в виде ремонта на СТОА по выбору страховщика, в том числе и на СТОА, не являющейся официальным дилером.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая состоявшееся по делу судебные постановления вынесенными с нарушением норм материального права и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, руководствовалась положениями ст. 309 и 929 ГК РФ, п. 4 ст. 10 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и исходила из того, что условиями договора страхования имущества может быть предусмотрена замена выплаты страхового возмещения компенсацией ущерба в натуральной форме, в том числе посредством приведения имущества в состояние, в котором оно находилось до наступления страхового случая.

По смыслу названных норм материального права, если иное не установлено законом, иными правовыми актами либо договором и не вытекает из обычаев

делового оборота или иных обычно предъявляемых требований, страховое возмещение в виде ремонта автомобиля должно обеспечивать приведение его в первоначальное состояние, в том числе с соблюдением условий, при которых сохраняется гарантия на этот автомобиль.

Данные положения закона применительно к обстоятельствам рассматриваемого дела судом учтены и применены не были.

Как установлено судом, страховщик обязался при наступлении предусмотренного в договоре страхового случая возместить К. причиненные вследствие этого события убытки путем осуществления восстановительного ремонта транспортного средства на станции технического обслуживания автомобилей по своему выбору.

Однако согласно гарантийному сертификату, полученному истцом при покупке автомобиля, гарантия производителя не распространяется на недостатки, вызванные использованием неоригинальных запасных частей, аксессуаров, проведением периодического технического обслуживания или ремонтом, выполненным не у официального дилера.

В статье 431 ГК РФ предусмотрено, что при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом (ч. 1). Если правила, содержащиеся в части первой данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон (ч. 2).

Таким образом, при рассмотрении данного дела судом в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, применяя правила толкования договора, предусмотренные ст. 431 ГК РФ, надлежало установить, содержит ли заключенный сторонами договор страхования условие о том, что восстановительный ремонт автомобиля не обеспечивает сохранение на него гарантии.

При этом также следовало иметь в виду, что в соответствии с п. 1 ст. 10 Закона о защите прав потребителей на исполнителя возложена обязанность предоставить потребителю необходимую и достоверную информацию об услуге, обеспечивающую возможность свободного и правильного выбора услуги потребителем, исключаящего возникновение у последнего какого-либо сомнения относительно правил и условий ее эффективного использования.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 5-КГ18-7)

15. Право на штраф за отказ добровольно удовлетворить законные требования потребителя может перейти по договору цессии после его присуждения cedentу-потребителю, а также в случае, когда в результате уступки цессионарий сам становится потребителем.

А. обратился в суд с иском к страховщику о взыскании страхового возмещения в размере 19 875 000 руб., процентов за неправомерное удержание денежных средств, компенсации морального вреда, а также штрафа в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Определением суда в порядке процессуального правопреемства А. заменен на Я. в части требований о взыскании страхового возмещения в размере 3 000 000 руб., уступленных ему истцом А. по договору цессии.

Ответчик против иска возражал, ссылаясь на отсутствие страхового случая.

Разрешая спор, суд первой инстанции, оценив представленные по делу доказательства, руководствуясь положениями ст. 934, 943 и 964 ГК РФ, а также нормами Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», не нашел оснований для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения и пришел к выводу о том, что в пользу А. подлежат взысканию сумма страхового возмещения в размере 16 875 000 руб. — за вычетом уступленного Я. требования, а также проценты за неправомерное пользование чужими денежными средствами, компенсация морального вреда и штраф со взысканных сумм, сниженный на основании ст. 333 ГК РФ.

Суд первой инстанции также взыскал с ответчика в пользу Я. сумму по уступленному ему А. требованию в размере 3 000 000 руб.

Изменяя решение суда первой инстанции в части взыскания в пользу А. штрафа, суд апелляционной инстанции указал на то, что страховая компания с заявлением о снижении штрафа на основании ст. 333 ГК РФ не обращалась, в связи с чем взыскал с ответчика в пользу А. штраф в размере 50% от присужденной ему судом суммы.

Кроме того, судом апелляционной инстанции в пользу Я. также взыскан штраф в размере 1 500 000 руб. — 50% от присужденной ему денежной суммы.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя апелляционное определение в части взыскания штрафа в пользу Я. и принимая в этой части новое судебное постановление об отказе во взыскании штрафа, руководствовалась п. 1 ст. 330, п. 1 ст. 382, ст. 384 ГК РФ, а также разъяснениями, содержащимися в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», и указала, что, по общему правилу, право (требование) на неустойку (штраф, пени), обеспечивающую исполнение обязательства, может быть уступлено как вместе с требованием по основному обязательству, так и отдельно от него, как после нарушения должником основного обязательства, так и до такого нарушения.

Однако при разрешении вопроса об уступке права (требования) в отношении штрафа, предусмотренного Законом о защите прав потребителей, следует учитывать установленные законом особенности присуждения этого штрафа.

В соответствии с абзацем третьим преамбулы Закона о защите прав потребителей потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Согласно п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение добровольного порядка удовлетворения требований потребителя штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

В пункте 46 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17 разъяснено, что при удовлетворении судом требований потребителя в связи с нарушением его прав, установленных Законом о защите прав потребителей, которые не были удовлетворены в добровольном порядке изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером), суд взыскивает с ответчика в пользу потребителя штраф независимо от того, заявлялось ли такое требование суду.

Таким образом, в отличие от общих правил начисления и взыскания неустойки (штрафа, пени) право на присуждение предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей штрафа возникает не в момент нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) обязанности добровольно удовлетворить законные требования потребителя, а в момент удовлетворения судом требований потребителя и присуждения ему денежных сумм.

При этом такой штраф взыскивается судом и без предъявления потребителем иска о его взыскании.

Необходимым условием для взыскания данного штрафа является не только нарушение изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) права потребителя на добровольное удовлетворение его законных требований, но и присуждение судом каких-либо денежных сумм потребителю, включая основное требование, убытки, неустойку и компенсацию морального вреда.

Требования о присуждении потребителю штрафа не могут быть заявлены и удовлетворены отдельно от требований о присуждении ему денежных сумм. Объем такого штрафа определяется не в момент нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) обязанности добровольно удовлетворить законные

требования потребителя, а в момент присуждения судом денежных сумм потребителю и зависит не от обстоятельств нарушения названной выше обязанности (объема неисполненных требований потребителя, длительности нарушения и т.п.), а исключительно от размера присужденных потребителю денежных сумм, однако он может быть уменьшен по общим правилам ст. 333 ГК РФ.

Таким образом, право на предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей штраф может перейти по договору цессии после его присуждения cedentu-потребителю либо в том случае, когда в результате цессии цессионарий сам становится потребителем оказываемой должником услуги или выполняемой им работы.

В связи с изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» применительно к сходным правоотношениям дано толкование п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей и, в частности, разъяснено, что права потерпевшего на возмещение вреда жизни и здоровью, на компенсацию морального вреда и на получение предусмотренного п. 3 ст. 16.1 Закона об ОСАГО и п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей штрафа, а также права потребителя, предусмотренные п. 2 ст. 17 Закона о защите прав потребителей, не могут быть переданы по договору уступки требования (ст. 383 ГК РФ).

В то же время присужденные судом суммы компенсации морального вреда и предусмотренного п. 3 ст. 16.1 Закона об ОСАГО и п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей штрафа могут быть переданы по договору уступки требования любому лицу (п. 71 указанного постановления Пленума).

По данному делу согласно установленным судом обстоятельствам Я. потребителем услуги по договору страхования не являлся, к нему по договору цессии перешло лишь право на часть денежной суммы, полагавшейся выплате А. в качестве страхового возмещения после наступления страхового случая.

Потребителю услуги по договору страхования А. присуждена денежная сумма, с которой судом апелляционной инстанции ему был взыскан штраф в размере пятидесяти процентов этой суммы.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 г. № 5-КГ19-52)

¹ Далее по тексту — ОЗПП.

² Далее по тексту — Закон о защите прав потребителей.

³ Далее по тексту — ГК РФ.

⁴ Далее по тексту — постановление Пленума Верховного Суда от 28 июня 2012 г. № 17.

⁵ Далее по тексту — ГПК РФ.

Постановление Конституционного Суда РФ от 15 октября 2020 г. № 41-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 3.7, статей 25.1–25.5.1 и части 1 статьи 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой иностранной компании ‘Majena Shipping Company Limited’

Постановление Конституционного Суда РФ от 15 октября 2020 г. № 41-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 3.7, статей 25.1–25.5.1 и части 1 статьи 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой иностранной компании ‘Majena Shipping Company Limited’

19 октября 2020 г.

Именем Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 4 статьи 3.7, статей 25.1–25.5.1 и части 1 статьи 30.12 КоАП Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба иностранной компании ‘Majena Shipping Company Limited’. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщения судьи-докладчика К.В. Арановского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации установил:

1. Иностранная компания ‘Majena Shipping Company Limited’ оспаривает конституционность части 4 статьи 3.7 «Конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения», статей 25.1 «Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об

административном правонарушении», 25.2 «Потерпевший», 25.3 «Законные представители физического лица», 25.4 «Законные представители юридического лица», 25.5 «Защитник и представитель», 25.5.1 «Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей» и части 1 статьи 30.12 «Право на обжалование, опротестование вступивших в законную силу постановлений по делу об административном правонарушении, решений по результатам рассмотрения жалоб, протестов» КоАП Российской Федерации.

1.1. ООО «Кристалл Марин» — контрагент иностранной компании ‘Majena Shipping Company Limited’ — по договору бербоут-чартера ввезло на таможенную территорию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в соответствии с таможенной процедурой временного ввоза буксирное судно «Маринус», принадлежащее заявителю. В дальнейшем ООО «Кристалл Марин» передало это судно ООО «Сиэмай Альфа Оффшор» по договору тайм-чартера в отсутствие на то разрешения таможенного органа.

Постановлением судьи Пролетарского районного суда города Ростова-на-Дону от 10 июня 2019 года, вступившим в законную силу 13 июля 2019 года, ООО «Сиэмай Альфа Оффшор» было признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 16.21 «Незаконное пользование товарами, их приобретение, хранение либо транспортировка» КоАП Российской Федерации, и ему было назначено административное наказание в виде административного штрафа с конфискацией буксирного судна «Маринус».

Иностранная компания ‘Majena Shipping Company Limited’ обратилась в Ростовский областной суд с жалобой на это постановление, полагая, что дополнительное административное наказание в виде конфискации предмета административного правонарушения (принадлежащего ей судна) несоразмерно характеру и последствиям совершенного административного правонарушения и назначено ООО «Сиэмай Альфа Оффшор» без обоснования необходимости в нем.

Производство по жалобе представителя иностранной компании ‘Majena Shipping Company Limited’ на указан-

ное постановление было прекращено постановлением заместителя председателя Ростовского областного суда от 15 ноября 2019 года на том основании, что компания не относится к лицам, которые вправе его обжаловать.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 19 (часть 1), 35 (часть 1), 45 (часть 1) и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, поскольку не позволяют собственнику имущества, конфискованного на основании вынесенного в отношении другого лица постановления по делу об административном правонарушении, обжаловать это постановление.

1.2. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе объединения граждан конституционность закона или отдельных его положений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой поставлена под сомнение, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Из представленных материалов не следует, что суд в деле заявителя применял положения статей 25.1, 25.3, 25.4, 25.5 и 25.5.1, а также частей 2, 3 и 4 статьи 25.2 КоАП Российской Федерации.

Что касается части 1 статьи 25.2 КоАП Российской Федерации, на которую суд сослался, имея в виду отсутствие оснований для признания заявителя потерпевшим по делу об административном правонарушении, то она, определяя потерпевшим физическое или юридическое лицо, которым физический, имущественный или моральный вред причинен непосредственно административным правонарушением, сама по себе не касается прав заявителя в том смысле, в каком он усматривает их нарушение.

Соответственно, жалоба иностранной компании 'Majena Shipping Company Limited' в части оспаривания конституционности статей 25.1–25.5.1 КоАП Российской Федерации не отвечает условиям допустимости обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, а потому производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению в силу пункта 2 статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Вместе с тем при рассмотрении настоящего дела Конституционный Суд Российской Федерации положения указанных статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях принимает во внимание в той мере, в какой они в их системной взаимосвязи с положениями части 1 статьи 30.12 того же Кодекса влияют на истолкование и применение указанных законоположений в определении состава лиц, обладающих правом обжаловать вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении.

Таким образом, часть 4 статьи 3.7 и часть 1 статьи 30.12 КоАП Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку в системе действующего правового регулирования на их основании

решается вопрос о праве собственника имущества обжаловать принятое в отношении другого лица постановление по делу об административном правонарушении в области таможенного дела в части конфискации его имущества, которое в режиме временного ввоза находится на таможенной территории ЕАЭС во владении (пользовании) иных лиц.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в России единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, а также признание и защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (статья 8), возлагает на государство признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 2), в том числе права частной собственности, которое, согласно ее статье 35, охраняется законом (часть 1) и включает в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2), с тем что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (часть 3).

Приведенные конституционные положения, как это следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выражают верховенство права в одном из его основополагающих смыслов, а именно в общепризнанном принципе неприкосновенности собственности, который являет собой гарантию права собственности, включая владение, пользование и распоряжение своим имуществом. В силу этого принципа, как и фундаментальных принципов юридического равенства и справедливости, вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между законными интересами общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между публично значимыми целями и предназначенными к их достижению средствами, чтобы был обеспечен баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерным и безосновательным правообременениям (Постановление от 16 июля 2008 года № 9-П и др.).

При этом конституционные гарантии охраны частной собственности законом и допустимости лишения имущества не иначе как по решению суда, как и гарантии судебной защиты, распространяются и на гражданско-правовые отношения, и на отношения государства и личности в области публичного права. Предписание же статьи 35 (часть 3) Конституции Российской Федерации о лишении имущества не иначе как по решению суда предполагает принятие судом не сугубо формального решения в юрисдикционной процедуре, допускающей лишение собственности в качестве меры юридической ответственности, а в соответствии с конституционными гарантиями судебной защиты прав и свобод (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2019 года № 11-П).

Изложенное означает недопустимость произвольного изъятия имущества в нарушение права собственности и вопреки конституционным гарантиям его защиты, равно как и недопустимость отказа в праве на судебную защиту, что предполагает, кроме прочего, процессуальное обеспечение указанных прав и гарантий, которое исключало бы, по общему правилу, лишение лица его имущества

судебным актом по делу, если такое лицо не вправе в этом деле участвовать.

2.1. Обращаясь в ряде решений к принципам юридической ответственности, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что по смыслу статей 49, 50, 52, 54 и 64 Конституции Российской Федерации принципы презумпции невиновности и виновной ответственности, подразумевая вину как необходимый элемент состава правонарушения (и основание юридической ответственности), выражают общие принципы права относительно применения государственного принуждения в виде публичной ответственности как в уголовном, так и в административном праве. Меньшая, чем в преступлениях, степень причиняемого вреда и общественной опасности не означает, что административные правонарушения как вид публично-правовых деликтов изъяты из-под действия принципов юридической ответственности и конституционного права на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство (постановления от 25 января 2001 года № 1-П, от 27 апреля 2001 года № 7-П и от 17 июля 2002 года № 13-П; определения от 9 апреля 2003 года № 172-О, от 7 декабря 2010 года № 1570-О-О и др.).

По смыслу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2011 года № 6-П положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливая принципы административной ответственности, регламентируя производство по делу об административном правонарушении и тем самым конкретизируя положения статей 17 (части 1 и 3), 46 (части 1 и 2), 49 (часть 1), 51 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, должны обеспечить надлежащие нормативно-правовые основания и условия установления обстоятельств совершенного правонарушения и вины в его совершении лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, или отсутствия таковой. Названным Постановлением Конституционный Суд Российской Федерации признал не соответствующими статьям 35 (части 1 и 3), 46 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации положения части 2 статьи 8.28 КоАП Российской Федерации в той мере, в какой они во взаимосвязи с частью 1 статьи 3.7 указанного Кодекса допускали в качестве административного наказания конфискацию орудия совершения административного правонарушения, принадлежащего на праве собственности лицу, не привлеченному к административной ответственности за соответствующее административное правонарушение и не признанному в законной процедуре виновным в его совершении. Этот вывод был сделан в защиту конституционных прав собственников имущества и распространяется в целом на административно-деликтные отношения в области предпринимательской деятельности применительно к возможности конфискации орудия совершения правонарушения, совершенного лицом, которому оно не принадлежит на праве собственности (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2012 года № 404-О-О).

2.2. Применительно же к имуществу, явившемуся орудием или предметом таможенного правонарушения, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 мая 1999 года № 8-П не исключил возможности его конфискации независимо от того, принадлежат ли конфискуемые товары и транспортные средства на праве собственности лицу, совершившему правонаруше-

ние, и установлено ли это лицо, поскольку иное давало бы организаторам незаконного перемещения товаров противоправные преимущества, позволяя переложить ответственность на неплатежеспособных лиц либо на лиц, пребывающих за границей, что подрывало бы правопорядок в сфере таможенного регулирования и было бы несовместимо с его целями и задачами.

Полагая в этой связи возможной конфискацию имущества у иных, кроме собственника, лиц, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из незаконности перемещения товаров и транспортных средств через границу, притом что его организаторы могли бы безнаказанно действовать во вред таможенному правопорядку за счет неизвестности собственника предметов (орудия совершения) таможенного правонарушения и (или) недоступности виновных лиц для российской юрисдикции. Конституционный Суд Российской Федерации учитывал, что за пределами российской юрисдикции во многих случаях нельзя без неоправданных издержек обеспечить выявление собственника конфискуемого имущества и его привлечение, в том числе принудительное, к производству по делу об ответственности за нарушение таможенных правил. Конституционный Суд Российской Федерации сформировал указанную правовую позицию с учетом принципа единства и взаимности, отражающего стремление государств не ставить себя в невыгодные условия с точки зрения защиты таможенного режима, и допустил конфискацию предметов и орудий таможенного правонарушения у иных, помимо собственника, правонарушителей, имея в виду незаконное перемещение товаров через границу. Ввиду изложенного конфискация предметов и орудий таможенного (впоследствии — административного) правонарушения у их владельца (держателя), привлекаемого к ответственности за нарушение таможенных правил, была признана допустимой безотносительно к тому, обеспечено ли собственнику имущества право участвовать в рассмотрении соответствующего дела.

3. Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 314-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.7 и 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», принятым во исполнение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2011 года № 6-П и с учетом правовой позиции, изложенной в его Постановлении от 14 мая 1999 года № 8-П, статья 3.7 КоАП Российской Федерации была дополнена частью 4, согласно которой конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, принадлежащих на праве собственности лицу, не привлеченному к административной ответственности за данное административное правонарушение и не признанному в судебном порядке виновным в его совершении, не применяется, за исключением административных правонарушений в области таможенного дела (нарушения таможенных правил), предусмотренных главой 16 этого Кодекса.

В таможенном деле, однако, возможны такие нарушения правил, не исключая правил временного ввоза, когда товар или транспортное средство законно перемещены через границу при достоверно известном составе участников таможенных правоотношений и связанных с ними лиц, включая собственника ввезенного имущества, а затем поступают в оборот в нарушение таможенных процедур, но на таможенной территории, где Российская Федерация имеет эффективные средства таможенного контроля и законного принуждения, в том числе процессуального.

Это позволяет, в частности, установить собственника имущества, послужившего предметом или орудием совершения административного правонарушения (если оно не принадлежит правонарушителю), а также характер его взаимоотношений с правонарушителем постольку, поскольку сам собственник определенно известен российским таможенным органам и судам и во всяком случае не уклоняется от осуществления прав и обязанностей под российской юрисдикцией.

3.1. Между тем по буквальному смыслу положений части 4 статьи 3.7 КоАП Российской Федерации конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения может быть назначена в качестве административного наказания за любое правонарушение, если оно предусмотрено статьями главы 16 указанного Кодекса, независимо от того, принадлежит ли имущество лицу, в отношении которого ведется производство по соответствующему делу. При этом собственник конфискуемого имущества, который не привлечен к административной ответственности, кроме вмешательства в его право собственности, ограничен в праве на судебную защиту, поскольку в силу указанных законоположений его участие в производстве по делу об административных правонарушениях в области таможенного дела не предполагается независимо от характера и состава правонарушения (в области таможенных правил), его объективной стороны и обстоятельств конкретного дела. Даже если лицо иностранного происхождения примет деятельные меры к тому, чтобы в российской юрисдикции участвовать в производстве по делу, в рамках которого его имущество конфисковано как предмет или орудие совершения административного правонарушения, оно при действующем правовом регулировании лишено процессуальных прав, позволяющих оспаривать основания и процедуру конфискации своего имущества и пользоваться иными правами, обеспечивающими конституционное право каждого на судебную защиту. Такое лицо не имеет ни права на получение извещений по делу, в котором суд определяет судьбу принадлежащего ему имущества, ни права оспорить постановление по делу об административном правонарушении, в том числе после его вступления в законную силу, когда и если собственник узнает о таком юрисдикционном производстве уже по его завершении.

Так, согласно части 1 статьи 30.12 КоАП Российской Федерации вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении может быть обжаловано лицами, указанными в статьях 25.1–25.5.1 этого Кодекса. Соответственно, не признавая права оспаривать вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное в отношении другого лица, за собственником имущества, конфискованного по такому постановлению, это законоположение отсылает к предписаниям иных статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, притом, однако, что и они не относят собственников соответствующего имущества к отдельному роду субъектов, которые имели бы в продолжение и в защиту материального права собственности доступ к процессуальным правам, включая право оспаривать вступившие в законную силу постановления по делу об административном правонарушении. Соучастия и других видов причастности к противоправной наказуемой деятельности названный Кодекс также не предусматривает ни в материально-правовой, ни в процессуальной части, кроме соисполнительства в значении обстоятельств, отягчающих административную ответственность (пункт 4 части 1 статьи 4.3). Изложенное

исключает участие указанных субъектов в каком-либо статусе в делах, решения по которым определяют судьбу принадлежащей им собственности.

3.2. Из материалов, дополнительно полученных Конституционным Судом Российской Федерации по настоящему делу, следует, что с 2010 по 2017 год ООО «Кристалл Марин» ввезло в Российскую Федерацию и задекларировало в таможенной процедуре временного ввоза несколько морских судов, включая суда, ввезенные по договорам бербоут-чартера с компанией 'Majena Shipping Company Limited'.

По итогам камеральной проверки, проведенной с 10 декабря 2018 года по 8 февраля 2019 года в отношении ввезенных ООО «Кристалл Марин» морских судов, таможенный орган посчитал, что в нарушение условий заявленной таможенной процедуры (временного ввоза) названное общество неоднократно передавало морские суда третьим лицам по договорам тайм-чартера без разрешения таможенного органа, в связи с чем решениями таможенного органа указанному обществу начислены пени за несвоевременную уплату таможенных пошлин и налога в отношении этих морских судов. Решением Арбитражного суда Ростовской области от 6 сентября 2019 года, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, ООО «Кристалл Марин» отказано в признании решений таможенного органа действительными.

Впоследствии за передачу судов в пользование третьим лицам без разрешения таможенного органа ООО «Кристалл Марин» было привлечено по нескольким делам к административной ответственности по части 2 статьи 16.19 «Несоблюдение таможенной процедуры» КоАП Российской Федерации (пользование или распоряжение товарами в нарушение таможенной процедуры, под которую они помещены, в том числе передача права использования таможенной процедуры посредством передачи в отношении товаров прав владения, пользования или распоряжения, если это допускается в соответствии с таможенной процедурой, другому лицу без разрешения таможенного органа, если такое разрешение обязательно). Постановлениями Пролетарского районного суда города Ростова-на-Дону от 18 апреля 2019 года ООО «Кристалл Марин» были назначены административные штрафы с конфискацией соответствующих морских судов за совершение указанных административных правонарушений.

Другие лица, в свою очередь получавшие от ООО «Кристалл Марин» указанные суда по договорам тайм-чартера, также были по многим эпизодам привлечены к административной ответственности по статье 16.21 КоАП Российской Федерации. Помимо штрафа, конфискация морского судна, принадлежащего заявителю, была назначена, в частности, ООО «Г.», которое постановлением того же суда от 19 апреля 2019 года было признано виновным в совершении указанного административного правонарушения, поскольку получило это судно от ООО «Кристалл Марин». При этом в некоторых делах суд назначал разным лицам конфискацию одного и того же судна.

В дальнейшем, однако, решениями от 25 июня 2019 года Ростовский областной суд изменил все судебные постановления от 18 апреля 2019 года, исключив из назначенных по этим делам наказаний конфискацию морских судов у ООО «Кристалл Марин»; решением от 26 июля 2019 года он также исключил конфискацию морского судна из наказаний, назначенных по делу постановлением от 19 апреля 2019 года.

Впоследствии и сам Пролетарский районный суд города Ростова-на-Дону не назначал конфискацию чужих судов в дополнение к штрафам, наложенным на ООО «Кристалл Марин» и его контрагентов-фрахтователей в делах об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 16.19 и статьей 16.21 КоАП Российской Федерации.

Между тем в отношении ООО «Сиэмай Альфа Оффшор» дело об административном правонарушении, предусмотренном статьей 16.21 КоАП Российской Федерации, было разрешено Пролетарским районным судом города Ростова-на-Дону с назначением конфискации буксирного судна «Маринус» (постановление от 10 июня 2019 года). При этом представитель ООО «Сиэмай Альфа Оффшор», надлежаче извещенный о рассмотрении дела, не участвовал в судебном заседании, постановление по делу не было обжаловано и вступило в законную силу без проверки вышестоящей инстанцией, которая не могла, соответственно, и корректировать назначенное наказание ни по ориентирам судебной практики, ни по обстоятельствам, относящимся к праву собственности на предмет конфискации.

3.3. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что право на судебную защиту признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации как основное и неотчуждаемое право человека на основе принципа равенства всех перед законом и судом (статья 17, части 1 и 2; статья 19, часть 1; статья 46, части 1 и 2). Это право включает в себя не только право на обращение в суд, но и гарантированную государством возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод. Иное не согласуется с универсальным для всех видов судопроизводства, включая административное, требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 28 мая 1999 года № 9-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 25 апреля 2011 года № 6-П и др.).

Европейский Суд по правам человека поддерживает сходную позицию относительно эффективности средств правовой защиты, которая означает, в частности, что они должны предотвращать предполагаемое нарушение или прекращать его, как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение (постановления от 26 октября 2000 года по делу «Кудла (Kudla) против Польши», от 30 ноября 2004 года по делу «Кляхин (Klyakhin) против России» и др.).

Между тем часть 4 статьи 3.7 и часть 1 статьи 30.12 КоАП Российской Федерации несоразмерно ограничивают право на судебную защиту и обеспечиваемое им право собственности вопреки требованиям статей 35 (части 1 и 3), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку они в системе действующего правового регулирования, допуская по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения — товаров и (или) транспортных средств у лиц, не являющихся собственниками соответствующего имущества, не предусматривают права собственника имущества обжаловать постановление по делу об административном правонарушении в части конфискации имущества в случае, когда товар или транспортное средство законно перемещены через таможенную границу и находятся на

таможенной территории ЕАЭС, где таможенные органы и суды Российской Федерации имеют эффективные средства контроля и законного принуждения, в том числе процессуального, при достоверно известном составе участников таможенных и связанных с ними правоотношений, включая собственника имущества, который не уклоняется от осуществления своих прав и обязанностей под российской юрисдикцией.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать часть 4 статьи 3.7 и часть 1 статьи 30.12 КоАП Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 35 (части 1 и 3), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования, допуская по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения — товаров и (или) транспортных средств у лиц, не являющихся собственниками соответствующего имущества, не предусматривают права собственника имущества обжаловать постановление по делу об административном правонарушении в части конфискации имущества в случае, когда товар или транспортное средство законно перемещены через таможенную границу и находятся на таможенной территории ЕАЭС, где таможенные органы и суды Российской Федерации имеют эффективные средства контроля и законного принуждения, в том числе процессуального, при достоверно известном составе участников таможенных и связанных с ними правоотношений, включая собственника имущества, который не уклоняется от осуществления своих прав и обязанностей под российской юрисдикцией.

2. Прекратить производство по делу в части, касающейся проверки конституционности статей 25.1–25.5.1 КоАП Российской Федерации.

3. Федеральному законодателю надлежит — исходя из предписаний Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

4. Постановление заместителя председателя Ростовского областного суда от 15 ноября 2019 года, которым было прекращено производство по жалобе иностранной компании ‘Majena Shipping Company Limited’ на постановление судьи Пролетарского районного суда города Ростова-на-Дону от 10 июня 2019 года, которым ООО «Сиэмай Альфа Оффшор» в качестве дополнительного административного наказания назначена конфискация буксирного судна «Маринус», собственником которого является иностранная компания ‘Majena Shipping Company Limited’, подлежит пересмотру.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», Собрании законодательства Российской Федерации и на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».